

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

WID-LC
PG
3948
.K856
M5
x
1843
ch. 1

HARVARD COLLEGE LIBRARY

From the
WASYL KYJ FAMILY UKRAINICA BOOK FUND
established in 1978

0
06
39
K
15
<
8
-h

u
P
3
4
7
x
E
-1

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

НАДРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Сочиненіе П. Кульша.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.

1843.

3745.105

Григорію Милославскому
Муско

Въ знакъ выданнаго повеленія
и искренней признательности

Врученъ

1844 года,
февраль 3.
Киев.

МИХАЙЛО
ЧАРНЫШЕНКО.

I.

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

НАДРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛЕТЪ НАЗАДЪ.

СОЧИНЕНІЯ

И. КУЛЬША.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КИЕВЪ.

въ Университетской типографіи.

1843.

WID-LC

PG

3948

.K856

M5

X

1843

[ch. 1]

✓

KULISH

=

"M. CHARNYSHENKO

1//

KYJ FAMILY BK. FD.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отвѣчатию представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Киевъ.
1842 года, Сентября 21 дня.

Ценсоръ, А. Федотовъ-Чайковскій.

П Р И М Ъ Ч А Н І Е.

При чтеніи идиороссійскихъ пѣсень и выраженій, встре-
чающихся въ этомъ сочиненіи, букву ѣ должно выговари-
вать какъ русское и, букву г—какъ латинское h, букву д,
ѣ, ѓ, в—какъ русское и, а и безъ запятой—почти такъ какъ
русское и.

Не есть се, навѣс, но Чорному морю ема иставіе,
А есть се—мие отцѣвска и матерѣвска молтва паре!

Отымъ бы то, навѣс, трѣба людей поважати,
Памотца и панимату добре шановати;
Бо который чловѣкъ тѣе уроблѣ,
Повѣкъ той счастье собѣ має,
Смертеламъ мечъ того минае:
Отцѣва и матчина молтва въ два мѣся выймѣ,
Одъ гвѣздъ смертеламъ душу одкупѣ,
Па волѣ и на морѣ на пѣнѣчъ помагѣ!

Изъ старинной народной думѣ.

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

МАЛОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Лѣтъ восемьдесятъ назадъ Малороссія жила еще собственною жизнью. Ея воспоминавія, интересы, обычаи, костюмы, образъ жизни и поэзія были чисто народныя. Помнили еще тогда Шведовъ и Мазепу, который теперь сталъ какимъ-то темнымъ

1

мнеомъ для простолюдиновъ; говорили о гетманѣ Дорошенкѣ и даже о Богданѣ Хмельницкомъ,—имена, утратившія теперь уже свой смыслъ и безответно для сердца звучащія въ замирающихъ съ каждымъ годомъ историческихъ пѣсняхъ. Запорожская Сѣчь еще существовала, и увидать вдругъ на какой-нибудь ярмаркѣ десятокъ красныхъ жупановъ, съ саблями и дорогими люльками, танцующихъ *на чудо* козачка и устлающихъ слѣдъ свой пятаками, было совсѣмъ не *съ дивосижу*.

Правда, разгулъ козачества выражался не въ такихъ уже широкихъ размѣрахъ, какъ, напримѣръ, бывало вѣчной памяти за славнаго гетмана Богдана или за «великаго воина» Палѣя, а паны наши давно уже потеряли свою національную гордость; но народъ былъ еще живъ чувствомъ любви къ родному, еще звучали въ немъ отголоски струнъ, настроенныхъ на такой торжественно-высокій ладъ славными витязями Украины въ теченіе двухъ вѣковъ; и если посреди праздничной сродки являлся страстующій старикъ съ бандурою въ

рукахъ, онъ не имѣлъ недостатка въ слушателяхъ. Онъ пѣлъ о томъ,

Лѣтъ у нашей у славної Украинѣ
Бывали коли-сь пристрашныя злыгоднѣ, бездолнѣ годины,

и пѣсни свои дополнялъ разсказами; и не одинъ разъ восторженная рѣчь его прерываема была буйными восклицаніями воспламененной молодежи и почтена дѣвичьими слезами.

Въ образѣ жизни, въ костюмахъ, въ разговорахъ, въ рваніяхъ и обычаяхъ, Малороссія за восемьдесятъ лѣтъ до насъ была еще тою, которую «батько козацкій» Богданъ Хмельницкій называлъ *своею милою Украиною*, за которую воевали Богунъ, Нечай, Золотаренко, Самко, гетманъ Петро Дорошенко и «великій воинъ» Палѣй Семень.

Не много, кажется, лѣтъ прошло со времени послѣдняго гетманства, но между тѣмъ какъ измѣнилась Малороссія! Еслибы мы могли перенестись въ тѣ времена, насъ окружилъ бы совсѣмъ иной міръ. Въ цѣлой *краинѣ* мы не встрѣтили бы ни одного

фрака, который из осанистаго малороссійскаго пана дѣлаетъ такую странную фигурку, что тогда называли ея просто—*непристойною*; не встрѣтили бы ни одного чепчика и шляпки, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ совершенно противорѣчащія наряду фэзиономы. Мы увидѣли бы жупаны превосходные, съ широкими гаптованными золотомъ поясами, къ которымъ пришьены перешедшія чрезъ цѣлыя поколѣнія сабли; увидѣли бы роскошные женскіе кунтуши—шитоыя зеленые, полутабенковыя желтые, грэстовыя голубые, обложенныя серебрянымъ и золотымъ газомъ, съ бархатными и парчевыми закладками; разноцвѣтные реброны шитоу *пакетною великой руки по бѣлому капавацу*; люстринныя шуровки ¹ съ золотыми сѣтками; блестящія карабки; убранныя цвѣтами головы, и прочая, и прочая ². Все это освящено было давнымъ, съ незапамятныхъ временъ, употребленіемъ и шло къ лицу нашимъ предкамъ такъ точно, какъ Турку чалма или Черкесу бурка. Прибавьте еще къ этому, что тогда у насъ говорили совсѣмъ не тѣмъ варварскимъ языкомъ, какимъ гово-

рять теперь, по большей части, Малороссіяне, забывшіе языкъ своихъ дѣдовъ и не научившіеся порусски; прибавьте еще единственныхъ во всемъ мѣрѣ по своему поэтическому достоинству малороссійскія пѣсни, вспомните дѣвную исторію Малороссіи, эту поэму-исторію, которая какъ героическая пѣсня легла на скрываляхъ міра,—и вы не можете не призадуматься надъ судьбою этого необыкновеннаго народа, который явился чудеснымъ образомъ, какъ роскошный цвѣтокъ посреди враждебныхъ для него стихій, блеснулъ необычайнымъ блескомъ славы, далъ знать о себѣ цѣлому свѣту; но недостало въ немъ силъ для его кипучей жизни, и онъ склонилъ голову преждевременно, онъ исчезъ, какъ сверхъестественный призракъ, почти передъ нашими глазами. Для васъ воспоминаніе объ немъ должно имѣть особенную цѣну; для васъ и послѣдній листокъ изъ исторіи такого дѣвнаго феномена долженъ быть въ высокой степени интересенъ.

Посмотримъ же, какъ жилъ и чувствовалъ этотъ народъ при концѣ самостоятель-

наго бытія своего, взглянемъ на печальныя слѣды старосвѣтскаго его быта, запоемъ его пѣсни, прислушаемся къ роднымъ его преданіямъ; не отзовется ли намъ и въ этихъ, уже бѣдныхъ, останкахъ роскошнаго минувшаго голосъ древней, могучей и чудной его жизни, которая вѣки останется предметомъ важнаго изученія для философа и высокаго восторга для поэта.

Ровно за восемьдесятъ лѣтъ назадъ, въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ майскихъ вечеровъ, — какихъ теперь, по увѣренію старыхъ людей, уже не бываетъ, — глуховской полковой судья, съ бутылкою и серебрянымъ кубкомъ въ рукахъ, провожалъ за ворота своего дома какого-то далекаго гостя.

Суровъ и непріятель съ виду былъ этотъ гость, хотя, по видимому, истарался казаться любезнымъ. Но что судья за дѣло до его выкатившихся жидовскихъ глазъ и непріятнаго выраженія губъ? Онъ кланяется не ему, а богатому его жупану съ золотымъ поясомъ. А жупанъ на гостя былъ такой, въ какомъ не всякій и въ *вельможныхъ пановъ* показывался передъ козаками: отъ верху до низу окаймленный дорогимъ галтованьемъ, густо унизанный по разрѣзамъ мелкими пуговками, весь устьянный ткаными по матеріи цвѣтами, которые, пере-

плетаясь между собою съ безконечнымъ разнообразіемъ, представляли, при тускломъ свѣтѣ вечерняго неба, тысячн атласныхъ перелпвовъ.

За воротами ожидали его два конные козака, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ позапорожски. Сѣвъ на коня, богатый гость выпилъ поднесенный ему судьей, по тогдашнему обычаю *на дорогу*, кубокъ вина, еще разъ обнялся съ хозяиномъ, обѣщавъ опять быть скоро въ гости и отѣхавъ со своимъ конвоемъ тихо, какъ бы съ намѣреніемъ пощеголатъ гордою поступью своего превосходнаго коня.

Медленными шагами воротился полковой судья домой, сѣлъ и опустилъ внизъ голову. Видно было, что его занимала какая-то трудная дума. Нѣсколько минутъ пробылъ онъ въ этомъ положеніи, наконецъ выразилъ результатъ своихъ размышленій такими словами:

—Полковникъ, бригадиръ, знатенъ, богатъ, а всё-таки жидъ!

—Кто жидъ? спросилъ сидѣвшій въ той же комнатѣ молодой козакъ, котораго обликъ сквозь сумракъ вечера видѣлся только въ неясныхъ очеркахъ.

—А и ты здѣсь, Михайло? сказалъ судья: —Надобно жъ было тебѣ до сихъ поръ не озываться! Испугалъ меня такъ, что совѣстно сказать. А почему это не подаи еще свѣчка?

—На что вамъ, дядюшка, свѣчка? Еще несовсѣмъ стемнѣло на дворѣ, а черезъ минуту засвѣтитъ въ окна козацкое солнце. Вотъ оно уже выглядываетъ изъ-за Коллегія.

—Козацкое солнце любятъ только мертвецы да утопленники, отвѣчалъ судья, который, видно, не читалъ ни одного трогательнаго воззванія къ лунѣ:—а добромъ человеку днемъ нужно настоящее солнце, а ночью огонь.

—Хорошо, я принесу вамъ свѣчку, только скажите мнѣ напередъ, о комъ это вы говорите: полковникъ, да жидъ?

— Можешь и самъ догадаться, о комъ. Кто жъ у насъ больше жидъ, если не Крыжановскій?

— Это, дядюшка, пустая выдумка; это одна зависть и злоба: конечно, нашей старшинѣ его бригадирскій чинъ—какъ щелчокъ по носу!

— Бригадирскій чинъ! сказалъ судья съ презрѣніемъ:— Что жъ значить московскій бригадиръ передъ нашимъ полковникомъ? Имѣетъ ли онъ хоть десятую часть той важности и власти, что нашъ полковникъ? Эхъ, вы молодежь, молодежь! переведете вы и остатокъ Малороссіи, когда она достанется вамъ въ руки послѣ нашей смерти... Бригадирскій чинъ! Вспомни гетмана Бруховецкаго: тотъ одурѣлъ отъ московскихъ пирровъ и обрадовался, что его сдѣлали бояриномъ. Гетмана бояриномъ!... Ха-ха! Нужно жъ было придумать такую хитрую уаду на завязятаго Запорожца! Ну, не будь я полковникъ судья, если и Крыжановскому обойдется даромъ его бригадирскій чинъ!

— Будущее никому не извѣстно, а что онъ наwerbовалъ свой полкъ....

— Чтобъ его чортъ взялъ съ его полкомъ! прервалъ судья:—эта проклятая вербунка разорила всѣ наши канцеляріи. Иной еще вчера сидѣлъ за перомъ, сегодня смотри—уже надѣтъ красный обрончикъ и знать тебя не хочетъ. Что и говорить! Проходятъ прежнія времена. Нетакъ было въ Глуховѣ, когда мой дѣдъ былъ генеральнымъ судьей! Миръ его памяти! Глуховъ вѣчно долженъ помнить Животовскаго, который спасъ его отъ стотысячной арміи польской.

— Что жъ вы находите дурнаго въ этой вербункѣ? сказалъ Михайло, который не имѣлъ еще надобности для своего утѣшенія оглядываться на прошедшее:—Новый Царь засыпаетъ листы, общаетъ милости; молодому народу скучно сидѣть дома, вотъ онъ и идетъ искать счастья. Да развѣ у насъ въ первый разъ вербунка?

— Не въ первый, однакожъ никто не за-

помнить, чтоъ когда-нибудь хоть впло-
вину поднялось такъ много молодежи. Какъ-
будто самъ чортъ нжетъ эти пустыя го-
ловы на веревочку и ведетъ до Петербурга.

—Значить, козацкій духъ еще сплелъ
въ Малороссіи! Только прошла по городамъ
вѣсть о войнѣ, всѣ готовы драться не
только съ Голштинцами, да хоть съ самимъ
сатанюю!

—Козацкій духъ, братику, не носятъ
красныхъ обрончиковъ, и не ходитъ на
край свѣта воевать, не зная самъ противъ
кого. Дядя мой, генеральный судья Жи-
вотовскій, не надѣвалъ на шею обрончика,
а такъ славно попотчивалъ подъ Глухо-
вомъ Ляховъ съ ихъ крулемъ Яномъ Казн-
миромъ, что и теперь еще, я думаю, бока
болятъ. Вотъ что называется козацкимъ ду-
хомъ, такъ-такъ! Можетъ, по-твоему и то
козацкій духъ, что и Крыжановскій, для
своихъ жидовскихъ барышей, наwerbо-
валъ полкъ дармоѣдовъ?

—Не смѣйтесь, дядюшка, такъ надъ Кры-

жановскимъ: Жидъ онъ или Турокъ, а что
Царь къ нему иплоститъ, это всѣмъ извѣ-
стно; и кто знаетъ, чѣмъ еще онъ веро-
тится изъ Петербурга?

—Воротится все тѣмъ же жидомъ, ка-
кимъ туда пойдетъ. Что изъ жиды можетъ
выдти добраго, въ какую вѣру его не по-
веримъ? Не даромъ сказано: *Жида перехри-
сти, да и голову одотий*. А Царь москов-
скій Иванъ Мучитель, спасибо ему, и сы-
гралъ таки надъ ними штуку по этой по-
словицѣ. Собралъ ихъ нѣсколько тысячъ,
связалъ имъ руки и ноги и, когда они
принуждены были сказать, что вѣруютъ
въ Бога Отца и Сына и Святаго Духа, въ
ту жъ минуту велѣлъ побросать всѣхъ ихъ
въ воду *. Такъ бы надобно было сдѣлать
и съ нашимъ Крыжановскимъ, когда его
окрестилъ. Однакожъ, братику, мимо всего
этого, ты что-то крѣпко за него вступаешь-
ся. Не завербовалъ ли онъ и тебя въ свою
ватагу?

—А что жъ, хоть бы и такъ? Не буду
ни у кого спрашиваться.

— Не будешь ни у кого спрашиваться! Эге, козаче! Видно жъ, тебя плохо учили въ Переясловской семинаріи, когда ты закидаешь старымъ людямъ такіе крючки!... Впрочемъ, ты это говоришь мнѣ: я конечно человекъ смѣрный; но я ставлю Богъ знаетъ что, еслибъ ты такъ же смѣло сказалъ это и моему дѣду! Правда, онъ былъ судья генеральный, но вѣдь и мнѣ жъ не вѣкъ быть полковымъ.

— Готовъ я объявить это передъ всѣми генеральными судьями, какіе были отъ Хмельницкаго до Разумовскаго, и знаю, что ни одинъ изъ нихъ не отсоветовалъ бы мнѣ мѣнять перо на саблю.

— Хорошо сказано. Это не худобъ хоть бы и твоему панотцу приписать въ своихъ исторіяхъ. Но всему видно, что ты потомокъ удалаго полковника Гладкаго. Только, братику, тебѣ уже не воевать такъ, какъ воевалъ прадедъ твоей покойной матери, за старога Хмельницкаго. Твоя война на бумагѣ.

— А можетъ-быть мнѣ суждено воевать еще лучше Гладкаго. Завтра же ѣду до обозу Крыжановскаго!

— Ова! сказалъ судья засмѣявшись.

— Какъ-то *овед*? спросилъ съ досадою Михайло.

— Такъ, что до обозу Крыжановскаго ты поѣдешь развѣ во снѣ.

— А почему жъ бы это такъ?

— Потому, что это говоритъ одинъ только молодой Чарнышенко, а еще не известно, что скажетъ старый Чарнышъ.

— На доброе дѣло ни одинъ отецъ не откажетъ въ благословеніи сыну.

— Такъ бы и мнѣ казалось, братику, да ба!

— Конечно не откажетъ. Было время, когда онъ желалъ видѣть меня лучше въ

Коллеги, чѣмъ на конѣ; а теперь я уже не дѣтя. Пришла и моя пора посмотреть на Божій свѣтъ немножко подальше Глухова.

—Что и говорить! отвѣчалъ судья:—разсказалъ, какъ размазалъ, да ба! Всѣ это проклятое да ба мѣшаетъ. Не большое оно и слово: *добро-азъ-да, буки-азъ-ба—да ба*; ну, да пойдѣ жъ ты съ нимъ: не даетъ дозаку ѣхать до обозу!

Разсерженный холодными противорѣчїями старика, Михайло всталъ и, не говоря ни слова, хотѣлъ выдти.

—Постой, Михайло, сказалъ судья:—Не сердись ты на меня старика и послушай, что я тебѣ скажу. Дѣдъ мой, генеральный судья, котораго заслуги знаетъ вся Украина, часто бывало говорить намъ малымъ дѣтямъ: *Не сотвори зла за блага*. Не худо бъ и тебѣ, Михайло, взять это себѣ въ голову. Что намъ съ тобою не видать Голштинцевъ, за это я ручаюсь. Пожалуй, не бѣда проѣздиться такому вертуну какъ ты въ Воронежъ: въ дорогѣ, говорить, чело-

вѣкъ становится умнѣе. Кланяйся жъ тамъ своему панотцу отъ меня и скажи, что я напередъ зналъ, какъ онъ приметъ твою просьбу. Но главное, не выпускай ты пожалуйста изъ головы наставленїя моего покойнаго дѣда, генеральнаго судьи, который, вѣрно, былъ человекъ не безъ толку, когда такъ хорошо поколотилъ Лиховъ. Ты уже знаешь, кажется, характеръ своего отца: съ нимъ надо говорить умнѣючи. А еслибъ ты вздумалъ и ему отрѣзать такъ какъ мнѣ, не знаю, какъ бы ты отъ него убрался! *Не сотвори зла за блага*.

божился, что любишь больше всего на свѣтѣ?

Михайло остановился и молча взял ее за руку. Опъ слышалъ ее упрекъ, но погруженный въ честолюбивые расчеты, предположенія и планы, не могъ вдругъ возвратиться на прежнюю дорогу своихъ мыслей, не находилъ, что отвѣчать на нѣжный упрекъ подруги, и какъ бы ожидалъ, пока сами собою разойдутся тучи думъ, обступившія его голову.

ГЛАВА II.

Занятый одною мыслию, Михайло ходилъ взадъ и впередъ по узкой галереѣ дома полковаго судьи и не замѣчалъ дѣвушки, которая стояла неподвижно, прислонясь къ одному изъ тонкихъ столбиковъ галереи, и при свѣтѣ мѣсяца казалась какимъ-то видѣніемъ.

—Уже ты и не видишь меня, Михайло! сказала она съ укоризною:—а давно ли

Это была дочь почтеннаго полковаго судьи Животовскаго. Вообразите себѣ дѣвушку въ цвѣтѣ юности, стройную, съ роскошно развитыми членами, съ лицомъ, полнымъ игры и смѣху, но вмѣстѣ и съ печатью какой-то томности, какого-то легкаго унынія, — съ челомъ бѣлымъ, греческой формы, — съ зысокими длинными бровями, перегнувшимися въ обѣ стороны, какъ радуга надъ криницею. Въ ея очахъ видна душа нѣжная, любящая глубоко и вѣчно; въ ея голосѣ выливаются звуки, проникающіе въ сердце; во всѣхъ ея чертахъ напечатлѣно

особенно, ни у одного народа не встрѣчаемое выраженіе, которое свойственно только Украинкѣ, проникнутой духомъ поэзіи своихъ волшебныхъ вымысловъ, своихъ вѣрованій и ни съ чѣмъ несравненныхъ пѣсенъ. Такова была дочь полковаго судьи Катерина, которой не исполнилось еще и семнадцати лѣтъ, а уже пышно разцвѣла какъ роза, уже не одинъ знатный старшина, развеселясь за старосвѣтскимъ серебрянымъ кубкомъ меду, напоминалъ судью обняками о своемъ сынѣ и богатствѣ, хвалилъ мпмоходомъ пріятливость и тихій нравъ Катерины.

Но полковой судья слушалъ эти намеки однимъ только ухомъ и отвѣчалъ на нихъ воспоминаніями о своемъ славномъ предкѣ. Онъ давно уже рѣшилъ судьбу Катерины. Недалеко отъ Глухова, въ мѣстечкѣ Воронѣжѣ, жилъ его старій и неизмѣнный другъ сотникъ Чарнышъ. Съ давнихъ временъ, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, велась тѣсная пріязнь между Чарнышами и Животовскими. Родъ Чарнышей оканчивался теперь сыномъ воронѣжскаго сотника Михайломъ;

родъ Животовскихъ—дочкою полковаго судьи Катериною. Старпки положили между собою—соединить двѣ однокія вѣтви древнихъ фамилій въ одно поколѣніе, и полковой судья считалъ это соединеніе тѣмъ священнѣйшимъ, что дѣдъ его, генеральный судья, котораго онъ уважалъ почти такъ же, какъ древніе Греки своихъ героевъ—полубоговъ, былъ, какъ нарочно, въ самой тѣсной дружбѣ съ дѣломъ Чарныша, генеральнымъ хорунжимъ.

Михайло служилъ въ Коллегіи и жилъ въ домѣ судьи, какъ *свой*. Онъ любилъ Катерину не по внушенію той огненной, симпатической, непреодолимой страсти, которая такъ нравится романистамъ, а единственно потому, что, живя въ одномъ домѣ съ прелестною дѣвушкою и находясь ежедневно въ близкихъ съ нею соотношеніяхъ, очень естественно можно почувствовать къ ней нѣжную привязанность, которая современемъ легко переходитъ и въ постоянную любовь; и хотя намъ пріятно приписывать чувство душевной склонности назначенію судьбы, таинственному средству душъ и прочая,

однакожь, выгнувши внимательно, нельзя не согласиться, что это сродство душъ есть тоже, что и сродство огня съ пороховъ.

Катерина любила Михайла всѣмъ своимъ дѣтственнымъ сердцемъ за его смѣлую и энергическую душу, за его живой, выразительный взглядъ и благородную наружность; однимъ словомъ, за то, что онъ былъ *козакъ*; а козакъ, въ Малороссіи, кромѣ извѣстнаго своего историческаго значенія, значить еще—красавецъ, удалецъ.

Все шло своимъ порядкомъ. Катерина начинала уже наполнять «кбаванную» свою скрыню. Михайло покоралъ славолюбия свои мечты воображаемымъ удовольствіемъ семейной жизни. Какъ-вдругъ пронеслась вѣсть, что на престолъ вступилъ новый Государь Петръ III, и вслѣдъ за тѣмъ появились во всей Малороссіи самые лестные для молодыхъ людей зазывы въ военную службу противъ Даніи за область Шлезвигъ, которая изстари принадлежала Голштинъ-Готторпскому дому и была присвое-

на датскимъ королемъ въ началѣ восемнадцатаго вѣка.

«Юношество здѣшнее всѣхъ сословій и состояній, говоритъ современный летописецъ, архіепископъ Конискій,—какъ бы волшебною силою возшумѣло и поднялось «птичьимъ полетомъ съ полудня на сѣверъ.

Эта «волшебная сила» не миновала и Михайла. Его душа встрепенулась, подняла крылья, и онъ весь загорѣлся жаждою битвы и славы. Всѣ козачкія пѣсни, всѣ рассказы и преданія о старосвѣтскихъ войнахъ, слышанные имъ въ дѣтствѣ, воскресли въ его памяти разомъ и представили горячему его воображенію воинскій бытъ козачковъ въ очаровательныхъ картинахъ. Самая смерть на полѣ чести казалась ему восхитительною. Онъ съ восторгомъ повторилъ окончательный куплетъ одной изъ древнихъ героическихъ пѣсенъ Малороссіи:

Полагалъ козацка молодецка голова,
Лѣзъ одъ ветру на степу трава;
Слава не вѣре, не полагю,
Амшаретю козацкае асламу расламе!

Онъ искалъ только случая и средства, какъ бы лучше выполнить свое намѣреніе; и въ это самое время, какъ на бѣду, явился въ Глуховѣ полковникъ гадячскій Крыжановскій, вербовавшій особый полкъ для той же войны за голштинское наследство.

Чтобъ дать читателю нѣкоторое понятіе объ этомъ новомъ лицѣ, которое тоже отчасти войдетъ въ мое сказаніе, достаточно, кажется, будетъ, если я приведу мнѣніе объ немъ автора *Исторіи Руссовъ* *. Онъ жилъ въ тѣ времена и могъ знать Крыжановскаго лично.

«При всѣхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, пишетъ этотъ почтенный бытописатель Малороссіи,—обыкновенно почти являются и характеры народныя, или ихъ «склонности». Такъ, напримѣръ, при охотѣ къ военной службѣ Малороссіянъ, открылась охота іудейская къ подрядамъ. Одинъ «изъ Евреевъ полковникъ гадячскій Крыжановскій, природный жидъ, а свѣжій «перехристъ, всегдашними арендами и откупами своими дошедшій богатствомъ до

«чина полковника, увидѣвъ необычайный «успѣхъ при вербункѣ голштинцевъ », тотчасъ взялся за ряду и отозвался о томъ къ Государю, объщая поставитъ ихъ пѣ- «льнѣй полкъ конный на своемъ иждивеніи, «а изъ царской дшшкреціи. Государь, ува- «жая усердіе Крыжановскаго, но не зная «его счетовъ, въ которыхъ, по совѣсти «іудейской, непременно поставялъ онъ «всякій обрончикъ вчетверо дороже его «цѣны, произвелъ Крыжановскаго на пер- «вый случай бригадиромъ. А онъ дѣйстви- «тельно изъ козацкихъ дѣтей своего полку, «а изъ стадинковъ и чабановъ завод- «скихъ и всякой другой сволочи сформиро- «валъ было полкъ, такъ называвшійся «Подцарболдильскій» *.

Полковой нашъ судья зналъ Крыжановскаго еще съ тѣхъ поръ, когда онъ, явившись въ Малороссію незнать-откуда, вдругъ сдѣланъ былъ сотникомъ; но они одинъ въ другомъ не искали: гордость происхожденія и гордость богатства дѣлили ихъ всякой разъ, какъ они гдѣ-нибудь встрѣчались. И потому онъ не могъ не призаду-

маться надъ истолкованіемъ себѣ вопроса: что могло заставить Крыжановскаго, теперь уже полковника и бригадира, извѣстнаго самому Царю, явиться къ нему со всею низкопоклонностью и искательствомъ, какія онъ оказывалъ только передъ царскими вельможами?

Но долгихъ размышленіяхъ, соображеніяхъ и догадкахъ, рѣшилъ онъ наконецъ такъ: что, видно, Крыжановскій теперь только узналъ, отъ кого происходитъ полковой глуховской судья, и считаетъ себѣ за честь вести знакомство съ потомкомъ знаменитаго Животовскаго, прославившагося девятидѣльной защитой глуховской крѣпости противъ стотысячной польской арміи, въ тысяча-шесть-сотъ-шестьдесятъ-четвертомъ году.

Добродушный старикъ однакожъ ошибся въ своей догадкѣ. Этому была совсѣмъ другая причина. Крыжановскій съ наружнымъ и внутреннимъ своимъ безобразіемъ соединялъ ненасытное сластолюбіе и, для удовлетворенія этому презрительному чувству, не

шадилъ ни денегъ, ни имени, ни даже безопасности. На всякую красоту онъ смотрѣлъ глазами фауна, а обладалъ множествомъ средствъ, губилъ свои жертвы разными обольщеніями, коварствами и' насиліями. Эта гнусная страсть привела его и въ домъ судьи. Катерина, при всѣхъ своихъ роскошныхъ прелестяхъ, не могла назваться чудомъ красоты; былъ и въ самомъ Глуховѣ дѣвушка красивѣе ея, ибо тогда лицъ и здоровья еще не испортили прелюбівія и узкіе корсеты. Но пресыщенный человекъ не имѣетъ вѣрнаго вкуса и часто только мѣрою препятствій опредѣляетъ цѣну своимъ наслажденіямъ.

Увидѣвъ ея полное живое лицо съ невыразимо-милою пріятливостью и какою-то страстною теплотою во взорахъ, ея шею, бѣлую и гибкую какъ у лебедя, и еще нѣжнѣйшую возвышенность пышной груди, полузакрытой золотою сѣткою шпуровки, онъ загорѣлся желаніемъ овладѣть этою сѣткою, едва развернувшуюся розою. Его схватилъ тотъ припадокъ страсти, который въ людяхъ чувственныхъ, и притомъ свое-

Ирравныхъ, бываетъ такъ же непреодолимъ, какъ и порывъ любви истинной въ людяхъ съ душою благородною. А привыкнуши ни въ чемъ не отказывать своимъ желаніямъ, онъ тотъ же часъ приступилъ и къ выполнению своего плана.

Первымъ дѣломъ его было—удалить изъ Глухова Михайла, котораго значеніе въ домѣ судьи онъ отгадалъ съ перваго взгляду. Это удалось ему такъ легко, какъ онъ и самъ не общалъ себя. Михайло былъ уже полонъ самыхъ горячихъ думъ и мечтаній; недоставало только вѣтру, который бы подулъ и обрушилъ тлѣвшіяся въ немъ чувства. Крыжановскій подошелъ въ самую пору, такъ что послѣ пятиминутнаго разговора, межъ ними было кончено все. Прельщенный фальшивыми общаніями Крыжановскаго, который въ жару своемъ принялъ за чистое золото, Михайло совершенно утонулъ въ какомъ-то чаду. Въ его душѣ явились чувства, дотогѣ ему неизвѣстныя. Всѣ умственныя способности его пришли въ необычайное движеніе. Онъ не чувствовалъ на себѣ тѣла, не видѣлъ земли подъ собою. Ка-

кая-то всепобѣждающая сила, казалось, поднимала его вверхъ и заставляла летѣть впередъ какъ бомбу.

Въ такомъ состояніи былъ онъ въ описываемый мною вечеръ, когда вдругъ слова Катерины, такъ неожиданно и совершенно въ разладъ съ его настроеніемъ, поразили слухъ его.

Онъ стоялъ передъ нею молча и будто выходилъ мало-помалу изъ какого-то обмороку. Но полными слезъ глазами смотрѣла Катерина на своего Михайла, который на этотъ разъ какъ-будто умеръ для нея: глядѣлъ на нее и не видѣлъ, держалъ ее за руку и не замѣчалъ ея присутствія.

—Что ты думаешь, что ты замышляешь? сказала наконецъ она, сживши его за обѣ руки и глядя ему въ очи:—Михайло! милый, коханный Михайло! развѣ ты не видишь своей Катерины?

—Никогда еще не бывало, чтобъ я тебя не видѣлъ, отвѣчалъ Михайло, какъ сквозь

совѣ и едва понимая самъ, что говорить.

—Никогда еще не бывало того, что есть теперь, возразила Катерина: — Бѣлая моя головонька! зачѣмъ я тебя полюбила? Не болѣло бы мое сердце, что ты меня покидаешь; не ползала бы я твоихъ слѣдовъ горячими слезами, когда ты поѣдешь воевать съ тѣми проклятыми Голштинцами!

—Но кто жъ тебѣ сказалъ, что я ѣду, Катерино?

—Слышала я весь разговоръ вашъ съ Крыжановскимъ. Знаю все. Ничего не осталось мнѣ у тебя выпрашивать. Но если бы я и ничего не слышала, моя душа давно уже сказала мнѣ горькую вѣсть. Какъ только я взглянула на Крыжановскаго, когда онъ бралъ изъ рукъ моихъ кубокъ съ медомъ, мнѣ вдругъ стало страшно отъ злыхъ его очей, и въ ту жъ минуту какъ-будто кто шепнулъ мнѣ на ухо, что ты меня покинешь... Михайло! не связывайся ты съ этимъ Крыжановскимъ! Онъ, говорятъ, великій грѣшникъ. Онъ, говорятъ, прошегъ

уже весь свѣтъ и погубилъ не одну невинную душу!

—Не покину я тебя довѣку, Катерино, отвѣчалъ Михайло, не обращая вниманія на ея толки о Крыжановскомъ:—Не за золотомъ и добычею ѣду я на войну; хочу только показать на дѣлѣ, что я козакъ, и воротиться къ тебѣ съ честью и славою.

—Хорошъ и милъ ты для меня и безъ славы, Михайло! Напрасно ты хочешь скрыть свои думы... Хотя же не говори мнѣ, что ѣдешь только для меня! Знаю я васъ мужчинъ. Вамъ наши слезы и тоска ничего не значать; вамъ пріятнѣй слышать стрѣльбу и крикъ сраженія, чѣмъ вѣрныя рѣчи милосердія. Однѣ мы несчастныя осуждены любить всюю душею, любить васъ безчувственныхъ больше всего на свѣтѣ, больше отца и матери!

Михайло не могъ возражать на эти упреки, потому что чувствовалъ ихъ справедливость. Онъ молча глядѣлъ на противоположную сторону улицы, которая во всю

длину занята была непрерывною стѣною каменнаго зданія съ остроконечными окнами, съ безчисленными и самыми разнообразными колоннами, пиластрами, фронтонами и галереями.

Это была та Малороссійская Коллегія, о которой старожилы рассказываютъ, какъ о восьмомъ чудѣ свѣта. Главный корпусъ ея превышалъ рѣзко всю длину строенія, какъ взрослый человекъ дѣтей. Его размѣръ, его колонны, окна и украшенія были несравненно колоссальнѣе и богаче, чѣмъ въ прочихъ частяхъ зданія.

Свѣтъ мѣсяца падалъ на Коллегию сбоку и только въ нѣсколькихъ мѣстахъ касался колоннъ, карнизовъ и барельефовъ. Оттого зданіе, покрытое усиленною тѣнью, имѣло видъ мрачный; а огромныя статуи, поставленныя въ нишахъ, равнявшіеся высотой цѣлому ярусу другихъ частей строенія, давали ему подобіе какого-то храма временъ языческихъ, наполненнаго молчаливыми богами.

Но напрасно кто-нибудь сталъ бы искать въ этой тяжелой и пестрой архитектурѣ характера нации и степени ея образованія. Малороссія никогда не восходила до такого градуса цивилизаціи, чтобъ выражать себя въ изящныхъ искусствахъ и художествахъ. Вся ея исторія представляетъ только зародышъ чего-то великаго, непринесшій достойнаго себя плода и погибшій въ самомъ цвѣту своемъ. Это зданіе выражало не болѣе, какъ самаго архитектора съ его народнымъ элементомъ и латинскимъ образованіемъ.

Надъ глубокими нишами, въ которыхъ чинно разставлены были огромныя Минервы, Фемиды, Марсы, древніе ораторы и философы въ сосѣдствѣ съ усатыми гетманами въ длинныхъ жупанахъ и широкихъ горностаевыхъ мантияхъ, — красовался въ разнообразныхъ группахъ малороссійскіе войсковые клейноды, перемѣшанные съ купидоновыми луками и козачанами (: козакъ давно уже не употребляли луковъ), съ лирами Аполлона и меркуріевыми жезлами. Въ иныхъ мѣстахъ старинныя мечи съ птичьей головкою на рукоятѣ, длинныя ружья и

боевые топоры козацкіе въ лаврахъ—стояли обокъ съ греческою артою, головою быка и трезубцемъ Нептуна, перевитыми и окруженными множествомъ цвѣтовъ, между которыми малороссійскій подсолнечникъ занималъ самое видное мѣсто. Тутъ ничего не было забыто: затѣйливый малороссійскій архитекторъ рѣшился выстроить зданіе на диво своимъ землякамъ и истощилъ на украшеніе его всю свою изобрѣтательность. Знамена, бунчуки, сабли, римскіе шлемы, козацкія шапки, латы, ковши, змѣи, утыканныя шипами булавы, птицы, полумѣсяцы и звѣзды—вѣнчали капителя колоннъ, и пиластры, окружали окна, висѣли фестонами, плелись въ гирляндахъ, ползали по карнизамъ и подъ карнизамъ. Но все это было расположено съ такимъ причудливымъ вкусомъ, съ такою неожиданною смѣлостью и дикою пестротой, что не хочется вѣрять, чтобъ чья-нибудь голова трудилась надъ сортировкой этихъ орнаментовъ. Кажется, будто они брошены были на стѣну всѣ разомъ какою-то огромною рукою, и только слѣпой случай указалъ имъ такое странное сосѣдство ¹⁰.

Михайло то всматривался въ разныя части фасада, затянутаго тѣнью, то пробѣгалъ взорами все зданіе, какъ бы щца въ немъ потерлиной мысли. Наконецъ глаза его остановились надъ украшеніемъ главнаго фронтона. Два Запорожца, съ длинными чубами, держали большой щитъ, на которомъ изображенъ былъ гербъ Малороссіи—козакъ въ полномъ вооруженіи и въ заломанной на бокъ шапкѣ. Подъ щитомъ, на мѣдномъ параллелограмѣ, видѣлась надпись къ гербу, сочиненная еще во времена Хмельницкаго. Михайло не могъ бы теперь сквозь густую тѣнь разобрать этой надписи, еслибы память не повторила ему затверженныхъ еще въ дѣтствѣ драгоцѣнныхъ для потомства строкъ, въ которыхъ живо выражается духъ свободы и независимости, вдохнутый въ Украинскій народъ незабвеннымъ Богданомъ:

Войска Запорожскаго воиъ знаменитый
 Вооруженъ бодрствуетъ отчизну храни.
 Аще и враговъ конкъ не зрять предъ собою,
 Обаче оружіе готово до бою
 Ипать; тѣмъ воснащими, суиостаты силы
 Хотѣли своего надана оиилимъ,
 Не вѣсть сей завчасу предвѣрими злину.

3.

А въ порабощеніи не будетъ вѣкомъ;
 Или же даю бѣдра вѣстрые суши—
 Воспятати въ стаду волна градуша.

—Слушай, Катерина, сказалъ вдругъ Михайло голосомъ твердымъ и рѣшительнымъ:—знаю, что ты меня любишь вѣрно; но я того не стою. Я не стою твоей любви! Какая разница между мною и послѣднимъ лавочникомъ, и чѣмъ перо почетнаго аршина? Не стыдно ли мнѣ, котораго предки вынимали изъ стремени ногу только для танцевъ и выпускали изъ руки саблю только для кубка, не стыдно ли мнѣ сидѣть сгорбившись въ канцеляріи и пестрить бумагу словами, вмѣсто того, чтобъ устилать широкія поля трупами и проливать по черишлы, а кровь невѣрною!

—Жестокая душа! лютое сердце! говорила Катерина, сложа на груди руки.

—Да, Катерина, продолжалъ Михайло:—ты не должна любить домосѣда, труса, который боится высунуть носъ изъ-за пѣчки, который готовъ разомъ съ тобою затыкать уши, когда стрѣляютъ изъ городской пушки!

Пить; обнимь меня на бранномъ копѣ, покрытаго потомъ и кровью, когда трубы и лѣтавры возвѣстятъ мою славу, а отбитыя у неуріятеля знамена зашумятъ надъ моею головою!

—Я не должна его любить, повторила сквозь слезы Катерина:—пока онъ не окровавленный звѣрь, а не должна его любить!

—И гдѣ дѣвать мнѣ эту слзу, которая кипитъ въ моей груди и ищетъ раздолья! продолжалъ Михайло, не слыша въ своемъ забытѣ словъ Катерины:—Тянетъ меня, тянетъ мою душу въ боевое поле, въ тучу мечей и пуль, гдѣ небо гремитъ, гдѣ земля стонетъ, гдѣ текутъ рѣки крови человѣческой! Чувствую, что родился козакомъ, и жажду боя и славы! Прощай, Катерина! восклицалъ онъ въ своемъ жару, обнимая ее трепетную и блѣдную:—прощай! Если убьютъ меня, помолись за мою грѣшную душу; если жъ ворочусь къ тебѣ, то ворочусь съ честью и славою!

гѣжской дорогѣ, мелькали хутора, синѣли лѣса, вставалъ мѣстами дымъ, и наконецъ туманный горизонтъ терлся въ пасмурномъ небѣ.

Грустно стало моему рыцарю, когда онъ изѣхалъ на деревянный мостъ, идущій черезъ рѣчку. Онъ повернулъ коня назадъ и долго смотрѣлъ на Глуховъ. Какой-то злобщій внутренній голосъ безпрестанно повторялъ ему послѣднія прощальныя слова добродушнаго его хозяина: «Помни твердо, Михайло, на всякій случай, наставленіе моего знаменитаго дѣда—*Не сотвори зла за блгаяя*», какъ-будто онъ въ самомъ дѣлѣ вѣхалъ на какое-то недоброе дѣло.

Но еще большую смуту наводилъ на него образъ Катерины, который воображеніе его схватило въ мнунту разлуки и теперь представило ему въ самомъ поразительномъ видѣ. Блѣдная, съ заломанными руками, она уже не укоряла и не просила; она видѣла неизбѣжность своей судьбы, и въ ея блестящихъ безъ слезъ глазахъ можно было прочесть всю муку души любя-

ГЛАВА III.

На другой день, послѣ обѣда, Михайло выѣхалъ изъ городскихъ воротъ. Передъ нимъ открылась чистая и блестящая какъ стекло рѣчка Есмѣнь, черезъ которую, за сто-семьдесятъ-восемь лѣтъ до насъ, летали на глуховскія укрѣпленія бомбы и ядра польскаго короля Яна Казимира. Далѣе стояли въ разнообразныхъ группахъ березовыя и липовыя рощи, теперь уже почти совсѣмъ истребленныя. За ними, по воро-

щей, но потерявшею всякую надежду отвести ударъ и обрешшею себя на величайшее терпѣніе.

—Милал, бѣдная моя Катерина! проговорилъ онъ растроганнымъ голосомъ:—за что я тебя покидаю!... Правда, я долженъ много совершить... Но по крайней мѣрѣ не огорчу тебя такъ скоро разлукою; ворочусь къ тебѣ хоть на одну минуту; еще разъ обниму тебя, еще разъ увѣрю, что люблю, какъ свою душу!

И онъ хотѣлъ уже воротиться въ Глуховъ, но конь предупредилъ его и повернулъ самъ собою къ Воропѣжу. Обезсиленный множествомъ волновавшихся его чувствъ, Михайло не пыталъ на этотъ разъ рѣшительно переупрямить своего коня, или вѣрнѣе сказать—не зналъ, что дѣлать, и продолжалъ путь, опустил голову и отдавъ себя на произволъ цѣлому рою думъ, овладѣвшихъ его душою.

Но когда онъ отъѣхалъ верстъ пять отъ Глухова и передъ нимъ развернулась ши-

рокія поля со многочисленными своими курганами, этими темными бытописаніями стародавняго времени; когда свѣжій вѣтеръ подулъ волнами по плодоноснымъ пшвамъ, а изъ-за тучъ заблестѣло солнце,—его душа оживилась, смутныя думы разлетѣлись, какъ ночныя птицы при появленіи свѣту. Онъ снова былъ тотъ вольный, неприсклонный козакъ, для котораго собственныя произволъ важнѣе всѣхъ законовъ и обязанностей. Онъ уже не думалъ ни о полковомъ судѣ, ни о Катеринѣ. Онъ смотрѣлъ смѣло и гордо, поднявшись на сѣдлѣ,—какъ будто взиралъ глазами боевое поле. Въ ухахъ его звенѣли звуки военной трубы, раздавался перекаты пушечнаго грома и вопли битвы; въ воображеніи мелькали сквозь клубы дыму знамена, сабли и мушкеты; войска, какъ тучи, сходились, мѣшались, сшибались, бѣжали, преслѣдовали одно другое. Мысль о славѣ обхватила его умъ и сердце, подавила въ немъ всѣ другія мысли и чувства, закружила, унесла его на своихъ крыльяхъ. Въ веселомъ трепетѣ, въ жару юношескаго нетерпѣнія, онъ прищипнулъ своего коня, взмахнулъ нагайкою,

склонился надъ сѣдломъ и вихремъ полетѣлъ по дороге, въ облакъ пыли.

Солнце начинало уже спускаться къ горизонту, когда передъ нимъ показался Воронѣжъ, весь затопленный темною зеленою садою, надъ которыми возвышались башни и куполы его церквей и колоколенъ. Пустя тихимъ шагомъ коня, Михайло сталъ размышлять о томъ, какъ бы ловче устроить домашнія дѣла свои.

Отецъ его былъ человекъ мудреный, оригинальнѣйшій, даже, можетъ-быть, единственный въ тѣ времена, по своему характеру и образу жизни. Въ молодости своей онъ слылъ первымъ удальцомъ и гулякою во всемъ полку, рано произведенъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ за храбрость въ сотники, уважаемъ полковыми старшинами за знаніе военного дѣла, почтенъ всѣми за свою ученость (: въ тотъ вѣкъ не много еще требовалось знаній для полученія этого титула), приобретенную имъ въ Переяславской семинаріи"; словомъ, былъ краскою межъ старосѣвскими нашими панами

и могъ ожидать себя въ будущемъ роли блистательной. Но когда, вовремя безначалія и смуты бироновскихъ, правившіе Малороссією русскіе вельможи обидѣли его своимъ презрѣніемъ, когда мимо него повышены были чинами не по заслугамъ нѣкоторые старшины козацкіе, гордость его была оскорблена такъ сильно, что онъ тогда же оставилъ службу. А лишившись черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ жены, онъ совершенно удался отъ міра, заперся въ своемъ домѣ, стоявшемъ уединенно на концѣ Воронѣжа, и уже давно не показывался на Божій свѣтъ. Люди, со своими радостями, исканіями, надеждами, были для него ненавистны. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ цѣлый міръ чувствовалъ вмѣстѣ съ нимъ ту глубокую досаду и тоску, которая грызла его сердце.

Но отказавшись навсегда отъ славы и почестей, отчуждавшись родныхъ и множества пріятелей, онъ не отчуждался своей родины. Онъ любилъ Малороссію, зналъ, что она отжила уже свой вѣкъ, состарилась и одряхлѣла духомъ преждевременно,

чувствовали, что она скоро угаснет, и потому предпринялъ собрать всё съ южнскія преданія, всё историческія ея пѣсни и хроникки и передать временамъ будущимъ въ правдивой и подробной лѣтописи.

Эта мысль занимала тогда много умовъ въ Малороссіи: ни въ одну эпоху не было составлено и переписано столько малороссійскихъ хроникъ и другихъ матеріаловъ для исторіи, какъ въ эпоху послѣдняго гетманства. Народъ, сойдя со сцены дѣйствія, любитъ оглядываться на прошедшее такъ точно, какъ старшій—толковать о своей молодости.

Сотникъ Чарнышъ предался своему занятію съ какою-то теплымъ вѣрованіемъ; а пробужденная вновь прежняя дѣятельность души, при помощи сильнаго воображенія и пламенной любви къ роднѣ, общала его труду живую энергію и возвысила одинокую его душу до поэзіи. Чѣмъ больше проникалъ онъ въ духъ преданій, пѣсенъ, лѣтописей, разныхъ остатковъ старины, тѣмъ въ большей прелести

являлся ему мнѣнію вѣки и событія. Сосредоточивъ на одномъ пунктѣ всё свои способности, онъ создалъ для себя отдѣльный фантастическій міръ, въ которомъ его душѣ было свѣтло и въ которомъ онъ нашелъ заступу общества, оставленнаго паче навсегда. Храбрые рыцари Украины, гремѣвшіе во времена оны славою по всему міру, были живы въ его воображеніи. Онъ ихъ любилъ какъ своихъ дѣдовъ, онъ благоговѣлъ передъ ихъ подвигами, они сдѣлались необходимыми для его жизни существами. Особенно почиталъ онъ память гетмановъ Хмельницкаго и Дорошенка: въ этихъ двухъ исполнителяхъ своего времени онъ признавалъ силу души необычайную, какую, по его мнѣнію, едва ли имѣлъ кто-нибудь изъ смертныхъ.

Стѣны его покоевъ увѣшаны были портретами и картинами, представляющими важнѣйшія событія изъ исторіи Малороссіи. Указывая на эти изображенія, онъ передавалъ Михайлу дѣла давно мнѣвшихъ дней голосомъ, въ которомъ отзывалось чувство глубокаго сознанія истины. Онъ говорилъ о

подвигахъ Називайка или о смерти Остри-
ницы съ такимъ краснорѣчьемъ, съ такою
точностью и подробностями, какъ-будто
самъ сражался подъ ихъ кресчатыми хо-
ругвями.

Иногда вдругъ, послѣ восторженнаго раз-
сказа, онъ погружался въ тихую задум-
чивость, долго сидѣлъ, склонивши голову
на столъ, и потомъ звалъ своего ключника
Семена, который когда-то былъ его оруже-
носцемъ на войнѣ, а теперь домашнимъ
бандуристомъ.

— Спой, братъ Семенъ, какую-нибудь
старосвѣтскую пѣсню, говорилъ онъ:—раз-
весели смутную мою душу.

И ключникъ Семенъ бралъ со стѣны
бандуру, садился на всегдашнее свое мѣ-
сто, склонялъ свою сѣдую голову и, пока-
чиваясь въ обѣ стороны, какъ старый
дубъ отъ вѣтру,—затягивалъ протяжнымъ,
торжественнымъ, полнымъ мужественной
гармоніи голосомъ:

Ой пошли коняи на чотыри шлыкы,
На чотыри шлыкы, а на ите на Подоле.

Що одинь полсь—то пошовъ Саміо Мушкѣт.
А за нашою хоружимъ мало-мало не три тысячы,
Усе хорѣбры тошарши Запорожцѣд.

На коникахъ выграиють, шабелями блискають,
У бубамъ вдариють, Бѣгови молитамъ посмѣвають,
Хресты поклоняють.

А Саміо Мушкѣт—то вѣтъ на коню да ѣ не выграиє,
Кона удержує, до себе притягує, думає-гадає:

.....
.....

—А шо, якъ наше козачество, мовъ у цеклѣ, Ляхи спѣлать
Да зъ нашихъ козацкихъ костей ниръ собѣ на похильє
зварять?

А шо, якъ наши головы козачьи по стѣну-цѣмо полануть,
Да ще ѣ рѣдною кровью вмываются,
Поверхроскѣлотыми шаблями покриваются?

Пронадѣ, мовъ порошокъ зъ дула, тая козацкая слава,
Що по всѣму свѣту дивомъ стала.

Що по всѣму свѣту степомъ розлягалсь-протягалсь
Да по всѣму свѣту луговимъ гѣбовомъ роздалась,

Турѣччинѣ да Татарчинѣ добрымъ ляхомъ звать далась,
Да ѣ Ляхамъ ворогамъ на снись оддалась!

Закриче воронъ, стѣномъ летючи,
Заплаче вѣвѣда, лугомъ смачучи,

Закурюють пречеты сізми,
Загадуються орлики хіми,
Да все, усе по слонгъ братіахъ.
По буйныхъ товарищахъ позикахъ.

Чи тѣ ихъ згърбихъ заисело,
Чи то ихъ у весла потонуло,

Що пендико чубатихъ не тѣ по степіахъ, не то й по дугахъ,
Не то й по татарськихъ земляхъ, не то й по туркськихъ
горяхъ,
Не то й по Чорнихъ моряхъ, не то й по ланцяхъ волахъ!

Закраче воронъ, загрѣе, замукуе
Да й полетить у чужую землю;

Ахъ-ба! кісткѣ лежить, шабляки сторчатъ,
Кісткѣ хрустать, шаблями по переросійской бражчать....

.....

Послѣ каждого куплета онъ дѣлать долги наузы, въ которыя бандура его своимъ унылымъ звономъ и гудѣніемъ дополняла то, чего не можно выразить въ пѣснѣ.

Съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ Михайло эти древнія пѣснопѣнія, и часто ему казалось, что въ нихъ, кромѣ Семени

ключника, кто-то другой отзывается изъ глубины мнущаго и стонетъ въ переливахъ заунывныхъ аккордовъ, и тихо плачетъ подъ рокотанье струнъ.....

Онъ покорялся безъ сознанія вліянію сужденій своего отца; душа энтузіаста-старика переливалась незамѣтно въ его младенческую душу. Старина представлялась ему въ очаровательныхъ видахъ, въ размѣрахъ исполнскихъ, величественныхъ. Вѣкъ современный казался ему ничтожнымъ, чуждымъ всего высокаго, героическаго.

По настроенію отца, онъ считалъ прежде за низость служить въ малороссійскомъ войскѣ, немѣвшемъ уже вопновъ-начальниковъ и управляемомъ интригами придворныхъ магнатовъ, а для достиженія значительной власти въ отечествѣ, полагалъ вѣрнымъ однимъ только путь—статскую службу; справедливость чего доказывали опытомъ многие тогдашніе Малороссіяне, занимавшіе важнѣйшія мѣста въ государствѣ.

Въ слѣдствіе этихъ мыслей, онъ минулъ

то поприще, на которое вступать считали за непременную обязанность молодые люди фамилии Чарыша въ продолженіе десяти поколѣній, и опредѣлился въ малороссійскій сенатъ—Коллегію, гдѣ достигъ уже званія старшаго канцеляриста,—члнвъ немаловажный по тогдашнему времени.

Каково жъ было ему теперь явиться передъ своего отца съ рѣшительною перемѣною прежняго образа мыслей? Этотъ вопросъ показался ему ничуть не маловажнымъ, особенно когда онъ принялъ во вниманіе серьезный и рвзкій характеръ стараго сотника и вспомнилъ, какъ полковой судья предостерегалъ его на этотъ счетъ.

Онъ хотѣлъ остановить коня, чтобъ обдумать заблаговременно планъ своей просьбы, и тогда только замѣтилъ, что конь стоялъ уже у воротъ отцовскаго его дома.

ГЛАВА IV.

Ворота эти, сдѣланные изъ дубоваго дерева и почернѣвшіе отъ времени, были такъ высоки и огромны, имѣли на себѣ столько кровель, решотокъ и самыхъ неразгаданныхъ для антикварія украшеній изъ рѣзнаго дерева, что казался обломкомъ готической башни, уцѣлѣвшей отъ какого-нибудь древняго замка; а покрывавшіе ихъ со всѣхъ сторонъ мохъ и дикія травы довершали это сходство.

4.

Чтобы узнать, какъ давцо она отворялась, стоило только взглянуть на большой мельничинъ жерновъ, поставленный рубомъ, не извѣстно, нарочно или случайно, подъ главною аркою и вросшій уже отчасти въ землю. Волокнистыя растенія, оплетая его зеленою своею сѣткою, подымались съ него на ворота и цѣплялись за множество желѣзныхъ колецъ, потолстѣвшихъ отъ давней ржавчины. Эти кольца служили вѣкогда для привязыванія лошадей козакамъ, прїѣзжавшимъ къ сотнику Чарнышу по дѣламъ службы, ибо только собственно гости да люди высшихъ разрядовъ, но тогдашнимъ приличіямъ, могли взѣзжать прямо на дворъ, посполитство же и простые козаки оставляли своихъ коней за воротами.

Михайло отворилъ боковую фортку и вышелъ на широкій дворъ, ведя за собою въ поводу коня.

Площадь двора утратила нынѣ у малороссійскихъ пановъ прежнее свое значеніе. Она иногда бываетъ занята сухопарымъ

цвѣтникомъ въ англійскомъ вкусѣ, а чаще ничѣмъ, кромѣ дороги для подѣзда къ крыльцу. Въ немногихъ только фамліяхъ она оживляется по праздникамъ дѣвичьими хороводами, да разъ въ годъ праздникомъ Іивана Купалы и обженокъ. Но все это дѣлается не больше какъ ради шутки, для того только, чтобъ позабавить гостей зрѣлищемъ простонародныхъ танцевъ и деревенскими пѣснями. Для самихъ же помещиковъ она имѣетъ развѣ ту выгоду, чтобъ видѣть своими глазами, какъ сушатъ пшеницу и бѣлятъ полотно.

Встарину, напротивъ, эта площадь составляла важную необходимость въ домѣ каждаго что называется *пана*. Это была танцзала, потому во первыхъ, что тогда не строили домовъ съ большими комнатами, холодными зною, а вотторыхъ и потому, что предки наши, подобно древнимъ, любили веселиться подъ открытымъ небомъ.

Еслибы мы взглянули на домъ сотника Чарныша въ лучшую его эпоху, особенно въ какой-нибудь изъ торжественныхъ въ

его шампан дней, намъ эта пустыня представлялась бы совсѣмъ въ другомъ видѣ.

По обѣ стороны двора, вдоль амбаровъ и конюшенъ, стояло тогда множество рыдвановъ и возовъ, такъ называемыхъ *кованыхъ*, которые водились только у шляхтства. Межъ ними и подъ навѣсамъ строеній бродили, сидѣли и лежали возницы, то есть кучера, и другіе слуги, въ кобсняхъ, въ сплнхъ жупанкахъ и въ козацкихъ шапкахъ. Срединна двора занята была танцами. Музыка гудѣла. Золотые обшлага, позументы, *усы* на жепскихъ кунтушахъ и пояса на жупанкахъ козацкихъ горѣли огнемъ въ яркомъ свѣтѣ солнца, котораго наши прабабушки не такъ боялись, какъ нынѣшнія красавицы (зато жъ онѣ были и здоровѣе). Самъ сотникъ съ сѣдоголовыми гостями сидѣлъ подъ галереєю дома, съ которой видѣтъ былъ весь дворъ какъ на картинѣ. Старшки обыкновенно бывали серьезны и степенны до тѣхъ поръ, пока безпрестанно наполняемые и осушаемые кубки не представляли имъ моря по колѣни, и тогда они очищали для

себя на подворьи мѣсто, приказывали играть какого-нибудь *старосельскаго* танца и выкидали такіа *запорожскія* штуки, на которыя и молодежь глядѣла съ восхищеніемъ.

Теперь все измѣнилось. Заросло травомъ даже то мѣсто, которое убито было погами какъ камень; конюшни во многихъ мѣстахъ завалились, а легкія галерейки амбаровъ, построенныя аркадами, потеряли много своихъ грациозныхъ столбиковъ, мѣстами потрухнули и обросли пустынной зеленью.

Съ грустнымъ чувствомъ смотрѣлъ Михайло на эти полуразвалины, на длинный подъ высокою кровлею домъ съ черемухами передъ окнами и на широкую равнину двора, покрытую дикимъ бурьяномъ. Но не воспоминаніе о прежней веселой жизни навело на него смуту: онъ припомнилъ себѣ послѣднее сборище народу на отцовскомъ дворѣ его, припомнилъ звонъ колоколовъ, раздававшійся въ то время на шести воронѣжскихъ колокольняхъ, и похоронное пѣніе, и пестроту погребальныхъ убо-

ровъ и хоругвей. Тотъ день остался для него памятнымъ парѣмъ; въ тотъ день онъ пролилъ много слезъ надъ гробомъ своей матери, и тяжкое воспоминаніе объ ней теперь стѣснило его грудь.

Выпуска въ разсѣянности изъ рукъ поводъ коня, который самъ собою побрелъ отыскивать конюшню, Михайло стоялъ въ глубокой задумчивости посреди двора и пробужденъ былъ голосомъ ключника Семена, который всякую рѣчь свою, по странной привычкѣ, начиналъ словами—*Помяни, Господи, царя Давида.*

Старикъ стоялъ передъ нимъ съ полпьянымъ кувшиномъ въ рукѣ, въ которомъ онъ уже болѣе десяти лѣтъ носилъ изъ погреба грушевый квасъ для своего пана,— въ широкихъ полотняныхъ шароварахъ, закрывавшихъ своими безчленными складками даже голенища сапогъ его,— въ синей суконной курткѣ, вытертой на лѣвомъ плечѣ ремнемъ бандуры,— со связкою ключей у пояса съ одной стороны и съ полнымъ приборомъ для трубки съ другой.

—*Помяни, Господи, царя Давида!* говорилъ онъ, дѣлая, по обыкновенію, этою поиманной гдѣ-то въ Псалтыри фразою прпступъ къ своей рѣчи:—Кто могъ бы подумать, что ты сегодня будешь дома? Мы съ панотцемъ ждали тебя не раньше, какъ на Зеленую недѣлю. Ну, братику, ты смотришь такъ, какъ-будто только-что проглотилъ пару Турокъ, а третьяго Татарина! Молодецъ, ей Богу молодецъ! Каждый разъ, какъ я тебя вижу, ты какъ-будто выросаешь на пѣлый локоть, хотя тебѣ давно уже минуло двадцать-два года. Видно, панъ судья съ своею Катєю не скупы для тебя на вареники.

И, отступя шага два назадъ, онъ любовался его стройнымъ ростомъ и гордою осанкою. Ключникъ Семень любилъ Михайла какъ сына и всегда съ великимъ удовольствіемъ припоминалъ себѣ то время, когда носилъ его на рукахъ, возилъ по двору на конѣ, училъ стрѣлять изъ ружья и владѣть саблею. Старикъ такъ живо и такъ недавнимъ представлялось время Михайлова дѣтства, что онъ, глядя теперь на

этого мощнаго юношу, уже украшеннаго черными, еще не очерстѣвшими усами, невольно повторялъ себѣ обыкновенную фразу пожилыхъ людей: «Какъ быстро вырастаетъ этотъ молодой народъ!»

Что же касается до Михайла, онъ смотрѣлъ на ключника Семена, какъ на вѣковѣчный дубъ, который изъ цѣлое столѣтіе измѣняется менше, чѣмъ молодое дерево въ одно лѣто. Сколько онъ помнилъ его, — таже богатая лысына, таже морщины, таже великолѣпные усы.

— Право, Михайло, продолжалъ ключникъ Семенъ: — глядя на тебя, я не могу вытерпѣть, чтобъ не сказать тебѣ сущей правды: не въ Коллегіи, братику, твое мѣсто; еси Богу, вѣтъ! Не во гнѣвъ будь сказано твоему панотцу, хоть онъ и не слышитъ моихъ словъ, — еслибъ посадить тебя на такого коня, какъ я когда-то отнялъ у Татарина, да дать добрую саблю въ руки... а! *шкода и казати!* Ей Богу, и за пана Данила ¹¹ лучшаго козака не нашлось бы во всемъ нашемъ полку!... Да, постой, бра-

тву; что я разболтался въ самомъ дѣлѣ, какъ-будто, годовъ десятка два назадъ, за ковшемъ пагѣвскаго меду ¹²!

Ой псе Палій, ой псе Семенъ да головонку кланить.
А Махеманъ чурі ¹³ Палію Семену кайдѣмъ готовить...

Что за врагъ! эти миѣ пѣсни да меду не дадутъ слова вымолвить. Я совсѣмъ не то хочу говорить. Правда ли, Михайло, что въ Глуховѣ у васъ идетъ теперь такая вербунка, какъ-будто самъ Хмельницкій, вставши изъ могилы, поднялся снова на Ляховъ?

— А что? можетъ, и ты, Семенъ, соскучась сидѣть дома, хочешь промять свои старыя кости?

— Я?... *Помяни, Господи, царя Давида!*... Ей Богу, Михайло, ты шутишь какъ настоящій Запорожець!... Эге! шкода и казати! Прошло уже то время, когда мы съ твоимъ панотцемъ, еще за покойнаго пана Данила...

— Скажи ты миѣ, Семенъ, прервалъ его Михайло: — когда ты перестанешь по-

мнать царя Давида? Что тебѣ царь Давидъ такъ вбѣлся въ голову?

— Да постой! я не о томъ совсѣмъ хотѣлъ рѣчь вести, а оиъ мнѣ съ царемъ Давидомъ глѣзеть въ очи. Вбѣлся въ голову! А худое, видишь, дѣло употребить кстатн такіа мудрыа слова!... Ну, постой же... О чемъ-бакъ я началъ говорить?... Вотъ же, если правду сказать, такъ и не вспомню безъ царя Давида; вотъ для чего вбѣлся въ голову! Это начало всякой разумной рѣчи. Ей Богу, правда! Какъ только не забудешь сперва сказать—*Помни, Господи, царя Давида*, то дальше слова пойдуть такъ складно, какъ-будто самъ царь Давидъ играетъ на гусяхъ... А ну: *Помни, Господи, царя Давида!* Минули уже наши годы, Михайло (а що! бачъ!). Восвали и мы когда-то съ твоимъ панотцемъ, да еще какъ воевали! Ей Богу, ажъ теперь душа радуется!

Ой коли-сь имъ войвали, да больше не будешь;
Того счастья в твои дѣла повѣкъ не забудешь!

.....
Да ажъ шибѣй заржавали, нушкѣти бѣтъ ирѣдѣтъ,
А ще сердце поивацѣло не боится Турѣцѣ!

Эхъ, жаль, что я не взялъ съ собою изъ свѣтлицы бандуры! я урѣзалъ бы тебѣ эту пѣсню такъ, что и у *вельможныхъ* глуховскихъ пановъ всѣ бандуристы пусть бы подальше спирагались!

— Ну, пускай же ты когда-нибудь въ другое время покажешь мнѣ свое искусство, сказалъ Михайло:—а теперь сиши, коли твоя ласка, съ моего коня сѣдло да дай ему овса.

— Правда, Михайло, правда; однакожь не брехня и то, що сперва треба наточить твоему панотцу грушѣвого квасу, сказалъ ключникъ Семенъ и отправился въ погребъ.

Михайло пошелъ къ отцу.

мифія, мало дасть цѣны моему просто-душному повѣствованію, остановится надъ этиял страницами и съ полнымъ вниманіемъ прочтетъ описаніе дома сотника Чарныша.

Но какомъ образомъ изъ далекаго Субботова ¹⁰ могъ зайти въ Воронѣжъ образецъ дома Хмельницкаго? Для объясненія этого вопроса я долженъ обратиться къ исторіи.

Въ бѣдственную годину Малороссіи, когда Унія и католичество терзали несчастный Южнорусскій народъ, когда, по истребленіи варварскимъ образомъ отважныхъ защитниковъ вѣры и свободы—Палпвайка, Павлюка, Остриявцы и множества другихъ рыцарей «Великой Украины», Поляки совершенно поработили нашу родину и намъ, казалось, не осталось уже никакой надежды на избавленіе отъ постыднаго ига, — гетманъ Хмельницкій явился какъ свѣтлый гонимъ надъ мрачною пропастью, въ которой мы были погружены.

При тогдашнихъ отчаянныхъ обстоятель-

ГЛАВА V.

Чтобъ узнать, до какой степени сотникъ Чарнышъ былъ преданъ старинъ, читатель не долженъ оставлять безъ вниманія дома егю, какъ онъ ни простъ и несладенъ съ виду. Если я скажу только, что домъ этотъ построень по образцу дома гетмана Хмельницкаго, этого достаточно для возбужденія самаго живаго интересу во всѣхъ любителяхъ Малороссіи, и даже глубоко-мысленный историкъ, который, безъ со-

ствахъ, на его подвиги нельзя было глядѣть, какъ на дѣла человѣческія. Малороссія видѣла въ немъ посланника Божія, вдохновеннаго свыше помыслами, слѣшкомъ великими для человѣка обыкновеннаго:

Только Богъ Святый знае.

Що Хмельницкій думъ-гадае—

говоритъ современная ему пѣсня.

Вспомнимъ, съ какимъ триумфомъ, съ какою восторгомъ и слезами встрѣчали его въ Кіевѣ, когда онъ, послѣ своихъ побѣдъ, пріѣзжалъ благодарить Бога торжественно, предъ лицомъ всего народа! Не многимъ изъ смертныхъ назначено въ удѣлъ производить въ своихъ соотечественникахъ подобныя чувства, и это даетъ намъ понятіе о томъ, что значилъ въ свое время Богданъ Хмельницкій въ Малороссіи!

Народъ едва не боготворилъ своего «побавителя», возиратившаго его отъ пытокъ и казни къ жизни и свободѣ. Чигиринъ и Субботово сдѣлались мѣстами священными

для отдаленныхъ странъ нашей краины. Туда нарочно ѣздили, чтобъ увидѣть «славнаго» гетмана и его семейство, списывали съ него портреты, собирали подробности о его подвигахъ; и эти рассказы вмѣстѣ съ гоме-рическими пѣснями бандуристовъ, переходя изъ устъ въ уста, изъ города въ городъ, распространялись, какъ громовыя отголоски славы, по цѣлой области, и скоро вся Малороссія, по обѣ стороны Днѣпра, наполнилась молвою о Хмельницкомъ.

Въ это время прадедъ сотника Чарныша, полковникъ Павло Чарнышъ, воротился съ кроваваго поля войны на родину и привезъ съ собой портретъ Богдана и рисунокъ его субботовскаго дома.

Воспомнаніе о домѣ гетмана Хмельницкаго было для него драгоценно: туда онъ перевезенъ былъ безпамятный съ поля побѣды, и сама гетманша заботилась объ излѣченіи ранъ его. (Такъ близокъ и друженъ былъ со своимъ народомъ тотъ могущественный и блистательный гетманъ, которому, по словамъ лѣтописца Грабянки,

«недоставало только бѣра « и короны, чтобъ быть царемъ»). А потому, чтобъ передать это воспоминаніе и своему потомству, полковникъ Павло Чарнышъ вознамѣрился построить въ Воронѣжѣ точно такой домъ, какъ у Хмельницкаго. Но намѣреніе его не вполнѣ приведено было въ исполненіе: онъ умеръ, не достроивъ дома и до половины.

Между-тѣмъ, по смерти стараго Хмельницкаго, настали смутныя времена для Малороссіи. Послѣ высокой эпопеи, совершенной имъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, Выговскій, Юрій Хмельницкій, Самко, Бруховецкій, Многогрѣшный, Дорошенко и множество другихъ, второстепенныхъ лицъ выступили на сцену и начали играть кровавую драму внутреннихъ войнъ, которая едва черезъ восемнадцать лѣтъ окончилась ужасной катастрофою чигиринской осады и паденіемъ грознаго Дорошенка. Наслѣдникамъ Павла Чарныша было тогда не до построекъ. Оставляя свое семейство въ старомъ домѣ, они спѣшили на поле чести поддерживать съ мечомъ въ рукѣ

мысль того, кто увлекалъ ихъ въ свою партію; и только уже въ послѣдніе годы гетманства Самойловича, сынъ полковника Павла Чарныша принялся за окончаніе начатаго отцомъ его дома, но, не извѣстно почему, не выполнилъ отцовскаго плана и совершенно измѣнилъ предположенную форму. Не смотря однакожъ на это, два поколѣнія «ампли Чарнышей жили въ немъ спокойно, немало не заботясь о томъ, что онъ не похожъ на домъ Хмельницкаго.

Когда жъ сотникъ Чарнышъ, оставя службу, сталъ заниматься собираніемъ матеріаловъ для своей лѣтописи, ему пришелъ на память слышанный еще въ дѣтствѣ рассказъ о томъ, какой домъ хотѣлъ построить его предокъ. Онъ даже припомнилъ давнишій листъ бумаги съ какими-то узорами, который показывала ему покойная его бабушка, перебирая въ своемъ огромномъ окованномъ желѣзомъ сундукѣ разныя платья и «старосвѣтскіе» наряды; и хотя онъ совершенно забылъ, чтѣ именно онъ видѣлъ на томъ листѣ, однакожъ, помня, что бабушка при этомъ случаѣ упоминала имя

Хмельницкаго, догадывался, что то именно былъ рисунокъ гетманскаго дома.

Теперь для него эта бумага была бы сокровищемъ неоцѣненнымъ. Но напрасно онъ искалъ ее между фамильными своими документами, книгами и рукописями, напрасно перерывалъ малеванные сундуки, которыми загромождена была его кладовая. Межъ множествомъ старинныхъ кунтушей, сподницъ, реброновъ, и такъ далѣе, не нашелъ онъ ничего подобнаго на предметъ своихъ поисковъ.

Одинъ только разъ сердце его забилось надеждою, когда на самомъ днѣ бабушкина сундука онъ откопалъ какую-то бумагу, завернутую бережно въ кусокъ зеленой шолковой матеріи и перевязанную красною лентою. Дрожащими отъ внутренняго волненія руками развернулъ онъ драгоценную хартію, но, вмѣсто желаннаго чертежа, глаза его увидѣли на ней разрисованный разными красками крестъ въ сіаніи и подъ нимъ золотыми буквами заглавіе рукописи: **СОНЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.**

Первый разъ въ жизни нарушилъ онъ благоговѣніе къ этому талисману домовитыхъ людей " и съ досадою бросилъ его въ сундукъ.

Между-тѣмъ, по мѣрѣ усиливавшагося убѣжденія въ невозможности найти рисунокъ, возрастало въ немъ желаніе узнать, какой былъ домъ у знаменитаго гетмана. Онъ бы готовъ былъ нарочно для этого поѣхать въ Субботово, но онъ зналъ по исторіи, что еще въ тысяча-шестьсотъ-шестьдесятъ-третьемъ году Поляки не только разорили домъ Хмельницкаго, а даже вырыли изъ земли и сожгли его тѣло.

Казалось, сотнику Чарнышу не оставалось уже никакого средства къ выполнению своего желанія; но своеобразный случай какъ-будто ожидалъ только, пока онъ совершенно откажется отъ своихъ поисковъ. Однажды, рассматривая сборъ стариннаго оружія, накопленнаго его предками въ теченіе полутора столѣтія, онъ, между множествомъ пищалей, кѣлеповъ, списовъ, булавъ, пистолетовъ и сабель, покрытыхъ

ржавчиною и пылью, дошелъ по очереди до одной сабли, отличавшейся отъ прочихъ необыкновенною своею длиною и покрытой чехломъ. Онъ коротко зналъ эту саблю, ибо ее съ незапамятныхъ временъ въ замкѣ Чарныша употребляли при свадебныхъ обрядахъ¹⁰; однакожъ онъ захотѣлъ рассмотреть ее наново, не найдеть ли на ней какой-нибудь замѣчательной надписи. Представьте жъ себѣ его удивленіе и радость, когда онъ, снявъ чехолъ, прочелъ на бумагѣ, которою обернуты были дорогіе ножны, слѣдующія слова: *А въ томъ покоѣ, идѣ Ясневельможный (гетманъ) засегда почиваетъ послѣ обѣда, на болшомъ дубовомъ संबлоку, китдлтомъ церковнымъ изображено тако: Викторія надъ окаранными Ллхами при рѣчьцѣ Жостыхъ-Водахъ сталася, за помощью Божою, И кейтмл, у субботу, въ рѣку АХМИ!*

Не съ такимъ благоговѣніемъ и восторгомъ наслѣдники Данта глядѣли на отыскавшееся неожиданно въ развалинахъ его дома окончаніе *Божественной Комедіи*, съ какимъ сотникъ Чарнышъ на эту хартію,

пожелтѣвшую и выкрошившуюся въ нѣкихъ мѣстахъ отъ времени.

То былъ длинный листъ бумаги, котораго верхнюю часть занималъ рисунокъ дома, сдѣланный грубо, но чрезвычайно старательно и отчетливо; а остальное мѣсто листа на обѣ стороны исписано было изъясненіемъ рисунка и описаніемъ внутренности дома.

Налибовавшись досыта своею находкою и заучивъ почти на память всѣ надписи и примѣчанія къ дому Хмельницкаго, сотникъ Чарнышъ принялся за выполненіе предпріятія своего предка. Нужно было разобрать цѣлый домъ до половины, уничтожить всѣ кровли, крыльца и галерею, покрытыя рѣзными деревянными украшеніями, составлявшими въ тѣ времена у пановъ малороссійскихъ предметъ особеннаго щегольства въ постройкахъ. На все это рѣшился сотникъ Чарнышъ, не пожалѣвъ даже дубовой галереи, которая по своей отдѣлкѣ считалась чудомъ во всемъ околѣдѣ и съ которой такъ часто, въ минувшіе годы, смо-

трѣлъ онъ на веселые пиры, оглашавшіе музыкой и радостными кликами цѣлый Воронѣжъ.

Началась работа, и года черезъ два у него явился домъ точно такой наружности и размѣру, какъ былъ когда-то у гетмана Хмельницкаго въ Субботовѣ.

Но напрасно любознательный антикварій-Малороссіянинъ захотѣлъ бы взглянуть на эту историческую рѣдкость, проѣзжая черезъ Воронѣжъ; напрасно сталъ бы спрашивать, кому досталась драгоценная хартія съ рисункомъ и описаніемъ того дома, въ которомъ родился великій мужъ, рѣшившій навсегда судьбу Украины и Польши. Довиносто лѣтъ, при помощи переворотовъ и пожаровъ, уничтожили неоцѣненное для насъ страсніе, а грубое невѣжество, можетъ-быть, истребило или безсмысленно погребло между какимъ-нибудь домашнимъ хламомъ бумагу, которая теперь въ глазахъ истинно образованнаго Малороссіянина не имѣла бы цѣны; и единственнымъ источникомъ для любителей отечественныхъ древ-

ностей осталось, касательно этого предмета, мое сказаніе, которое, «не коею-либо «страстною славницею, но общою побужденіемъ пользою, составилъ. Но буди «убо чтущимъ разумѣти, яко нѣчто адъ «отъ своего умствованія приложихъ, но «якоже рѣхъ, отъ достовѣрныхъ историковъ написанная и отъ очевидныхъ свѣдѣтелей сказуемахъ собрахъ и написанію «предахъ».

угадать волновавшія ихъ чувства, хочеть слѣться съ источникомъ своего бытія и хотеть единый мигъ прожить одной съ ними душою.

ГЛАВА VI.

Потомокъ приходитъ съ благоговѣніемъ на гробовище своихъ предковъ. Земляныя насыпи ихъ молчаливыхъ кургановъ, прахъ развалинъ ихъ разоренныхъ людьми и временемъ жилищъ—для него драгоценны. Онъ въ каждомъ камнѣ, въ каждомъ слѣду ихъ существованія видитъ живую букву изъ повѣсти ихъ жизни; онъ переносится душою въ ихъ эпоху, хочеть по этимъ нѣмымъ остаткамъ вѣщать инстинктомъ

Знаю, что многимъ покажутся скучными тѣ подробности, какими я здѣсь занимаюсь; но знаю также и то, что найдутся люди, которые жадными взорами пробьгуть страницы, на конхъ я сохраняю отъ забвенія несуществующія уже зданія, истлѣвшія или затеранныя хартии, уничтоженныя огнемъ или невѣжествомъ изображенія, оружіе, святотатственно перекованное въ ножи, серпы, топоры, — безцѣпныя по своей древности, «оры» и надписямъ утвари, свидѣтели дѣдовскихъ пировъ, варварски истребленныя для «новаго фасону»¹⁾, и превосходные костюмы, съ такимъ ребячествомъ замѣненные тряпками и кургузыми нѣмецкими одеждами. Если въ десяти моихъ читателей хотя одинъ пойметъ то чувство, которое возбуждали во мнѣ эти безцѣпные слѣды минувшаго,—я доволенъ, я награжденъ вполне за трудъ свой и объ остальныхъ не забочусь.

Укрѣпленный такими мыслями, смѣло начинаю длинный разсказъ о симмѣ съ дома гетмана Хмельницкаго.

Зная, какія несмѣтныя богатства были въ рукахъ гетмана Хмельницкаго, читатель могъ бы не безъ основанія воображать себѣ домъ его если не роскошными, по крайней мѣрѣ огромными палатами. Но когда вспомнимъ, что гетманскій субботовскій домъ построенъ отцомъ его, который владѣлъ одной «Суботовскою слободою», и что домостройство тогда не простиралось еще за предѣлы удобства, то ничуть не удивительнымъ покажется, что этотъ домъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ домовъ стариннаго дворянства средняго класса. Конечно, гетманъ Хмельницкій, послѣ своихъ походовъ во глубину польскихъ владѣній, гдѣ онъ собралъ безчисленныя добычи и контрибуціи, могъ бы выстроить и въ Субботовѣ такой огромный замокъ, какъ въ Чигиринѣ; но вѣроятно, ему тоже дорога была память предковъ, и онъ огра-

ничился только незначительными передѣлками, починками и украшениями.

Описывая домъ воронѣжскаго сотника Чарнына, я какъ-будто гляжу на субботовскій домъ Хмельницкаго, несуществующій уже около ста-восмидесяти лѣтъ. Вотъ шесть черемухъ, стоящихъ рядомъ передъ окнами (это было любимое дерево гетмана Хмельницкаго). Немного далѣе, подъ развѣспостою яблоней, вы видите каменное корыто, поддерживаемое тремя львами, которыхъ несоразмѣрно толстыя лапы почти совсѣмъ вросли и со своими пьедесталами въ землю. У каждаго изъ этихъ львовъ во рту по серебряному кольцу ²⁰, къ которымъ привязывались лошади старшинъ, приѣзжавшихъ изъ Чигирина по должности къ гетману, когда онъ проводилъ въ отцовскомъ домѣ нѣсколько недѣль въ видѣ отдохновенія. Вотъ старшинныя низенькія окна съ овальною дугою, съ каменными лутками, съ круглыми стеклами въ дубовыхъ рамахъ, выкрашенныхъ зеленою краскою. Надъ окнами выгипсованы изъ гипсу, попеременно, то бѣгущіе кони, то дымящіяся

пушки, — любимые предметы Богдана Хмельницкаго, проведеншаго почти всю жизнь свою межъ пушками и на конѣ. Вотъ толстыя кирпичные упоры, выходящіе широкою пятою впередъ отъ дому. Остатки такихъ упоровъ и теперь еще видны въ Субботовѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Хмельницкаго. Вотъ тонкая остроконечная башенка, пристроенная уже Богданомъ къ сѣверному углу дома вмѣсто упора и обведенная три раза зубцами. Окна ея такъ высоки и узки, что, въ сравненіи съ грубыми окнами дома, кажутся длинными скважинами. Башенка эта построена по рисунку жившаго при гетманѣ Хмельницкомъ кориннескаго митрополита Юсафата, убитаго впоследствии въ сраженіи подъ Берестечкомъ, и служила для святаго старца молебною. Вотъ широкое съ двѣнадцатью столбиками крыльцо или, какъ тогда называли, *рундукъ*, занимающій почти треть длины фасада и устланнй каменными плитами, которыя для красоты изсѣчены вымышленными цвѣтами и разными неопредѣленной формы узорами. Надъ крыльцомъ, вмѣсто теперешнаго треугольнаго, возвышается обрѣзанный заг-

заками полукруглый фронтонъ, какіе можно видѣть еще и въ наше время надъ придѣлами старинныхъ церквей. Въ этомъ полукругѣ такую жъ, какъ и надъ окнами, глѣбную работою изображенъ въ барельефѣ медвѣдь, выдпрающій медъ изъ улья; нѣсколько разломанныхъ ульевъ валяются у ногъ его, а пасичникъ подкрался сзади къ медвѣдю и замахнулся на него топоромъ. Намъ очень трудно было бы разгадать эту аллегорію, еслибъ вокругъ нея сверху не было надписи: *Що буде, то буде; а буде же, що Богъ дастъ*. Это было главное правило философа Хмельницкаго и девизъ возстанія его противъ Польши ¹¹.

Михайло не смотрѣлъ такъ внимательно, какъ мы, на домъ своего отца: все то, надъ чѣмъ мы останавливаемся и называемъ старинною, для него казалось обыкновеннымъ или было давно уже знакомо. И потому, пока мы успѣли осмотрѣть наружный видъ строенія, онъ прошелъ и рундукъ, на которомъ, въ Субботовѣ, Хмельницкій разговаривалъ со старшинами о войсковыхъ дѣлахъ, и обширные сѣни, въ кото-

рыхъ обыкновенно гремѣла музыка и угощалась свита вельможныхъ пановъ, пировавшихъ вмѣстѣ съ гетманомъ. Но мы не можемъ такъ скоро за нимъ слѣдовать: насъ все останавливаетъ въ этомъ домѣ, образчикъ вкуса и памятникъ быта и понятій отдаленнѣйшихъ нашихъ предковъ. Мы хотимъ продлать возбужденное въ насъ этими древностями какое-то сладостное чувство: оно болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ лѣтописи и пѣсни говорятъ намъ о тѣхъ чудесныхъ вѣкахъ, которые были разъ и уже никогда быть не могутъ.

Передъ глазами нашими, направо, низенькая съ каменными лутками дверь, въ которую Михайло не могъ войти не шагнувшись. Надъ оваломъ этой двери читаемъ надпись: *Богъ намъ приближище и сила*.

Это краткое изреченіе, взятое изъ вдохновеннаго псалма царя-поэта, такъ и вѣетъ на насъ тѣми славными временами высокой религіозности, когда Малороссія совершала крестовые походы противъ католиковъ за утѣсненіе своей вѣры! На разныхъ зда-

ніяхъ, на пушкахъ, на знаменахъ, на сабляхъ и мушкетахъ того времени выразилась въ эмблемахъ и надписяхъ мысль, проникнувшая цѣлую націю: крестъ и мечъ—молитва и слава!

Будетъ еще намъ много случася поговорить пространнѣе объ этомъ предметѣ; теперь же, вступая за Михайломъ въ покои сотника съвозъ низкую съ высокимъ порогомъ дверь, заставившую его нагнуться, не лишнимъ считаю замѣтить, что встарину вообще въ домахъ двери дѣлались низкія и окна маленькія, чтобы вовремя холоду удобнѣе сохранить въ комнатѣ теплоту, которая держится въ высшихъ слояхъ воздуха. Предки наши хотя умѣли переносить непогоду и стужу въ полѣ, зато дома, при отдыхѣ, любили зимою тепло и жертвовали этому другими, менѣе важными выгодами. Такъ, на примѣръ, гѣтописи повѣствуютъ, что гетманъ Многогрѣшный, входя однажды въ низкую дверь своего дома, такъ сильно ударился объ косякъ головою, что ушибся до полусмерти²¹.

Мы однакожъ, слѣдуя за Михайломъ, минули благополучно этотъ подводный—камень для головы и теперь стоимъ въ обширной комнатѣ, которая и у гетмана Хмельницкаго въ Субботовѣ, и у сотника Чарныша въ Воронѣжѣ называлась свѣтлицею, что по тогдашнему значило—запа. Не говоря о широкой печкѣ, на изразцахъ которой взадъ и впередъ скакали конные козаки; не говоря о старосвѣтскихъ стульяхъ съ высокими рѣзными спинками и низенькими ножками, о липовыхъ столахъ на львиныхъ лапахъ, о множествѣ оружія и портретовъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ, о цѣломъ иконостасѣ большихъ и малыхъ образковъ въ главномъ углѣ, какъ было и у гетмана Хмельницкаго,—пржедо всего я укажу вамъ на одну древность, которая уже не есть снимокъ съ другой. Это—дубовый почернѣвшій свѣлокъ, перожившій уже три дома,—единственный предметъ, который сотникъ Чарнышъ при перестройкѣ оставилъ неприкосновеннымъ.

Надо замѣтить, для тѣхъ, кому это неизвестно, что въ Малороссіи съ незапамят-

ныхъ времянь ведется обычаи записывать рѣзьбою на свѣлокѣ время построения дома, имя хозяина, любимый текстъ изъ Священнаго Писанія, а иногда и какое-нибудь важное современное происшествіе, на память внукамъ. На срединѣ свѣлока, между надписью, вырѣзывается обыкновенно крестъ съ *копіемъ* и *тросію*. А какъ свѣлокъ меньше всего подверженъ вліянію погоды, то хозяева при перестройкѣ дома употребляютъ старые свѣлока и передаютъ ихъ съ разными надписями въ потомство, какъ вѣрные памятники старины.

Такимъ образомъ свѣлокъ сотника Чарныша прожилъ болѣе полутора вѣка, видѣлъ Унію, Шведовъ и послѣднее гетманство (три важнѣйшія эпохи въ исторіи Малороссіи), держалъ на своемъ желѣзномъ крючкѣ колыбель правды и правнука. Не доверяя видимой его крѣпости и боясь, чтобы онъ когда-нибудь не обломился, сотникъ Чарнышъ подперъ его двумя тонкими колоннами, незвѣстно какого ордена.

Но почему же знать, что этотъ свѣлокъ

видѣлъ Унію?—Не много нужно доказательствъ. Читайте надпись, если только вы въ состояніи разобрать ея титлы и сокращенія: *Миръ Христіанству, а на зачищника Богъ и Ею крестъ!* Эти слова были начертаны на кресчатыхъ хоругвяхъ Наливайка въ достопамятной битвѣ при Чигиринѣ, гдѣ Поляки претерпѣли отъ козаковъ ужаснѣйшее пораженіе. Если жъ вы думаете, что эта надпись могла быть сдѣлана позже (недовѣрчивый и пытливый умъ составляетъ достоинство антикварія), вотъ вамъ другая сторона свѣлока: *Во рѣку АФЧЕ, мѣсяцъ КЗ дѣя, небожчикъ воитъ соронькою ратуши Карпо Чарнышъ нача соиздати домъ сей, обаче волю Божю ставшейся на Украинѣ повсехной тревозѣ, на славіи биталіи подѣ мѣстомъ Чириномъ успѣхъ отъ непріятеля во главу, духъ свой Богу предаде. Сестра же его Гаша въ слезахъ и сптованіи докопченіе дому сему положи и имя брата своего небожчика на семъ свѣлоцѣ изобразиша. Помни, Господи, душу раба Твоего Карпа!*

На другомъ свѣлокѣ вы видите надпись

уже Богдана Хмельницкаго: *Викторія славаю войска козацкаго запорожскаю надъ нечестивымъ католицтвомъ подъ мѣстомъ Зборовымъ, за помощю Божою, сталаъ въ року АХМӨ, серпни 13 днл, у среду.*

Я ограничусь общимъ замѣчаніемъ, сказавши, что комнаты Хмельницкаго представляли на сволюкахъ своихъ полную хронологию его побѣдъ и что каждая надпись оразнообразена была какимъ-нибудь особымъ измѣненіемъ выраженія или прибавкою новой фразы, и потомъ укажу вамъ еще на рядъ картинъ и оружій, украшавшихъ стѣны Чарнышева дома. Впервыхъ—портретъ Богдана Хмельницкаго, въ пернатой шапкѣ и съ булавою, привезенный изъ Субботова полковникомъ Павломъ Чарнышемъ. Далѣе—портретъ гетмана Петра Дорошенка, съ жестокимъ взглядомъ, длинными усами и янычарской бородою. Далѣе—между двухъ оконъ пукъ оружія, шишакъ и окровавленные латы полковника Глѣдкаго, павшаго въ отчаянной битвѣ при защитѣ имъ отъ Поляковъ города Пянска въ тысяча-шестьсотъ-сорокъ-восьмомъ году.

Потомъ большая картина, представляющая казнь несчастнаго мученика гетмана Остриницы,—произведеніе грубое, но тѣмъ не менѣе для насъ интересное. Потомъ портреты—наказнаго гетмана Полуботка и генеральнаго судьи Ивана Чарныша, пострадавшихъ въ тысяча-семьсотъ-двадцать-четвертомъ году, по ложному доносу Веняминашова и враждъ Меньшикова, отъявленнаго гонителя Малороссіи. Полуботокъ одному только Богдану Хмельницкому уступалъ въ національной выразительности фязіономіи. Лицо Ивана Чарныша было очень умно, но сурово, тѣмъ болѣе, что сохраняло наследственную смуглоту, по которой родоначальникъ этой фамиліи и получилъ, отъ польскаго короля Баторія, названіе *Чарныша*. Потомъ опять оружіе одного изъ прославленныхъ предковъ Чарныша и опять картины.

Михайло не могъ не остановиться въ этой свѣтлицѣ, гдѣ все говорило ему о минувшемъ. Глядя на окружающіе его предметы, онъ вспомнилъ и стародавнія пѣсни, которыя онъ слышалъ на этомъ самомъ мѣстѣ отъ ключника Семена, и рассказы

своего отца, приводившіе его въ восхищеніе.

Сотникъ Чарнышъ не безъ особенныхъ напѣреній старался наполнить его голову разсказами и пѣснями о прежнихъ цѣлѣущихъ временахъ Украины, о кровавыхъ войнахъ, происходившихъ на поляхъ ея, о славныхъ витязяхъ козацкаго войска, потрясавшихъ своимъ оружіемъ цѣлыя націи. Этимъ средствомъ онъ хотѣлъ поселить въ немъ пламенную любовь къ роднѣ и въ то же время показать разницу между стариннымъ и современнымъ состояніемъ войска и его начальниковъ, заставить Михайла презирать военную службу (къ которой Малороссіяне получали охоту едва ли не со дня рожденія на свѣтъ) и тѣмъ сильнѣе убѣдить его, что достигать власти необходимо для благотѣльнаго вліянія на дѣла своей родины, но достигать не этимъ путемъ, который, по его словамъ, «встарину былъ главнымъ, а теперь сдѣлался проселочнымъ».

Но онъ ошався въ своихъ разсчетахъ. Ему не пришло въ голову, что это чисторыцарское настроеніе дѣтскаго ума, при

горячемъ воображеніи, не можетъ идти назначенною колеєю, что оно рано или поздно принесетъ плоды свои, и молодой духъ, презрѣвши всѣ холодные разсчеты, захочетъ осуществлять на дѣлѣ свои мятежныя мечты.

Можетъ-быть, Сотника Чарныша отъ этой мысли отклоняло строгое его понятіе о безусловномъ повнновеніи дѣтей родителямъ, ибо тогда, въ Малороссіи, святость этого долга была еще глубоко выдрена въ сердцахъ людей, такъ что противъ непослушнаго сына, въ повѣрхьяхъ и пѣснахъ народныхъ, волновалось море, возставала земля, гремѣло небо.

Какъ бы то ни было, только Михайло, приближаясь къ дому своего отца, началъ уже терять присутствіе духа; онъ не зналъ, какъ ему завести рѣчь съ угрюмымъ старикомъ; онъ медленнымъ, невѣрнымъ шагомъ проходилъ дворъ и каменный помостъ рундука и широкія стѣны. Но когда вступилъ въ эту свѣтлицу, гдѣ каждый предметъ былъ для него живымъ воспомни-

папісмъ давно испытанныхъ впечатлѣній; когда оглянулся вокругъ себя и обвелъ взглядомъ эти священные надписи, эти портреты славныхъ гетмановъ и полковниковъ, это оружіе, не разъ обрызганное кровью; когда припомнилъ вдругъ восторженные рѣчи своего отца въ виду этого міра старшны,—онъ ожилъ, его душа какъ будто разомъ выросла и возмужала; онъ снова почувствовалъ увѣренность въ себя и въ важности своего предпріятія и смѣло, твердой поступью вошелъ въ другую комнату, гдѣ находился его отецъ.

ГЛАВА VII.

Сотникъ Чарнышъ былъ человекъ уже пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, худощавый, съ сѣдыми волосами, подстриженными, по тогдашнему обыкновению, въ кружокъ, и съ бѣлыми повпснущими внизъ усами.

Постоянная спячая жизнь и привычка къ размышленію сдѣлали его нѣсколько скорбаснымъ и приучили держать голову

темного наклонною впередъ и глаза потупленными въ землю. Зато всегдашнее увлеченіе славою предковъ, всегдашнія думы о минувшихъ войнахъ и герояхъ древности дали его походкѣ и пріемамъ какой-то торжественный, спеническій тонъ. А какъ онъ ни съ кѣмъ не вступалъ въ обыкновенные повседневные разговоры, не занимался хозяйственными дѣлами, которыя вполне довлѣны были Семену ключнику, и большую часть времени употреблялъ на чтеніе своихъ историческихъ рукописей. Библия и Тита Ливія, то даже рѣчь его усвоила себѣ особенные обороты, длинные періоды и тонъ всегда важный, ораторскій. *Talis hominibus fuit oratio, qualis vita*, говорить Цицеронъ.

Пріѣздъ Михайла, казалось, ни удивилъ, ни обрадовалъ его. Онъ съ неизмѣнною важною въ лицѣ протянулъ ему почтло-вать руку и, въ отвѣтъ на его пріѣзствіе, ограничился однимъ отрывистымъ, холоднымъ—*Здравствуй!*

Такова встарину была полетика отцовъ

къ дѣтямъ. Они считали суровое обращеніе съ ними надежнѣйшимъ средствомъ удержать ихъ въ безпредѣльной къ себѣ покорности.

Никогда еще лицо сотника Чарныша не казалось Михайлу такимъ строгимъ, никогда не замѣчалъ онъ въ немъ этого грознаго спокойствія, этого выраженія непреклонной воли, передъ которою, повидимому, всякое убѣжденіе, всякая просьба были бы беспильны. Эти глубокія пронизательныя очи подъ черными бровями, казалось, знаютъ уже его замыселъ; казалось, въ нихъ готовится уже гроза души суровой, напоенной ядомъ подавленной досады и тоски.

Чувствуя ослабѣвающую въ себѣ силу рѣшимости, Михайло приступилъ къ отцу и разомъ, безъ всякихъ предвареній, объявилъ ему причину своего пріѣзда и просьбу о благословеніи въ походъ.

Произнеся свое признаніе, онъ уже готовился принять на себя бурю отцовскаго гнѣва. Но сотникъ всталъ и, не говоря ни

слова, вышелъ въ «гетманскую» свѣтлицу. Этотъ неожиданный оборотъ дѣла смутилъ Михайла еще болѣе.

Съ замирающимъ отъ страху и неизвестности сердцемъ слѣдилъ онъ глазами за сыномъ отцомъ, стараясь по движеніямъ разгадать его чувства. Онъ съ ужасомъ видѣлъ въ немъ всѣ признаки и переходы медленно возрастающей бури, видѣлъ, какъ эта сильная душа постепенно разгоралась и приходила въ волненіе, какъ поминутно приливала краска на блѣдныхъ щекахъ стараго сотника, какъ въ движеніи мускуловъ и дрожаніи сжатыхъ губъ его обнаруживалась мучительная тревога чувствъ, неслыхающихъ для себя словъ и выраженій.

Сотникъ нѣсколько разъ прошелся по свѣтлицѣ и потомъ, остановясь передъ Михайломъ въ грозной позиціи царя передъ виновнымъ подданнымъ, впередъ въ него свои взоры, которымъ гнѣвъ и тоска придали такое убійственное выраженіе, что Михайло почувствовалъ въ душѣ своей какой-то смертный холодъ и уныніе. Въ не-

побѣдимомъ смущеніи онъ принужденъ былъ отворотить глаза въ сторону.

Передъ нимъ, на освѣщенной красноватымъ свѣтомъ заходящаго солнца стѣнѣ, висѣли портреты двухъ гетмановъ—Хмельницкаго и Дорошенка. Старый Хмельницкій своею важною, патриархальною физиономіей, казалось, напоминалъ ему о слѣпомъ повиновеніи отцовской власти; но жестокий взглядъ Дорошенка какъ-будто укорялъ его въ малодушіи, какъ-будто напоминалъ, что значить воля козацкая, что значить стать противъ судьбы и всѣхъ ея препятствій!

Этотъ чудесный взглядъ, вѣрно схваченный живописцемъ съ натуры, возвратилъ Михайлу присутствіе духа. Онъ уже хотѣлъ обратиться съ убѣжденіемъ къ отцу, какъ-вдругъ громовая рѣчь сотника грянула надъ его головою.

—Рука Господня постигнетъ тебя, сынъ неблагодарный! вскричалъ старый Чарнышъ такъ громко, что эхо прошло по всему

дому, развѣшенное по стѣнамъ оружіе забренчало и сами гетманы, казалось, вздрогнули въ своихъ рамкахъ:—Отяготѣеть на тебѣ страшная десница Его! Тысячи бѣдъ, тысячи несчастій падуть на твою голову! Будешь святаться изъ края въ край, и никогда пога твоя не коснется роднаго поповца!... Несчастнѣй!... И откуда вошелъ тебѣ въ голову такой законпреступный помыселъ? Развѣ забылъ ты мои наставленія, мои отцовскіе приказанія и совѣты? Развѣ забылъ, что воля родительская есть воля Божія?... Бѣдная тварь! удался отъ глазъ моихъ, удался, и чтобъ я никогда тебя не видѣлъ!

Онъ еще раза два пронелся по свѣтлицѣ, съ какими-то страшными, неестественными движеніями, и потомъ, заламя руки, какъ человекъ, вдругъ потерявшій упованіе цѣлой жизни, въ непобѣдимой горести упалъ на столъ передъ иконами и изнемогающимъ, дрожащимъ и плачущимъ голосомъ продолжалъ:

—Великъ на меня гнѣвъ Твой, Господи!

Мало ли несчастій претерпѣлъ я, мало ли потерялъ я и того, что любилъ, и того, что приобрѣлъ потомъ и кровью! За что жъ посылаешь Ты на меня это новое бѣдствіе, ужаснѣйшее изъ всѣхъ бѣдствій человѣческихъ? За что на моемъ сынѣ Ты хочешь показать примѣръ неслыханнаго, страшнаго грѣха—непослушанія ОТЦУ!... Такъ, я чувствую, что долженъ отказаться достигнуť даже черезъ него.... Несчастное твореніе! Еслибъ я надѣялся ничѣмъ съ тебя на старости такую горькую утѣху, еслибъ я зналъ, что такой будетъ плодъ отъ всѣхъ моихъ внушеній и стараній, я зналъ бы, какъ тебя воспитывать! Я задушилъ бы тебя еще въ люлькѣ! Я собственными руками разорвалъ бы на части твое тѣло!

Онъ замолчалъ, и его стоны, тяжкіе, глубокіе, обнаруживали мучительное состояніе раздраженнаго его сердца.

Было что-то ужасное въ этомъ выраженіи неистоваго гнѣва и тоски, въ этомъ смѣшеніи религіозности и варварства, сильной любви и глубочайшаго огорченія! Ка-

залось, не человекъ обитаетъ въ этихъ унылыхъ, какъ гробница, покояхъ, наполненныхъ вечернимъ сумракомъ, сквозь которій неясно видѣются иуки стариннаго оружія и угрюмые обликъ портретовъ. Это жилище какого-то мрачнаго духа, обреченнаго на мученія и непріязненнаго всему живущему.

Михайло тихо вышелъ изъ свѣтлицы.

— *Помни, Господи, царя Давида и всю кротость его!* сказалъ ему ключникъ Семень, стоявшій въ сѣняхъ подъ дверью съ кувшиномъ въ рукѣ:—Надѣлагъ же ты теперь бѣды, Михайло! Ей Богу, онъ уже лѣтъ десять такъ не сердился, если не считать того разу, когда услышалъ отъ пана судьи, что какого-то жнда сдѣлалъ полковникомъ. Не знаю жъ, какъ теперь показаться ему и на очи. Хоть же скажи мнѣ, за что онъ на тебя такъ расходился?

Михайло, вмѣсто отвѣта, махнулъ только рукою и пошелъ на другую половину.

—Эге-ге! говорилъ тихо ключникъ Семень, глядя ему вслѣдъ:—наварилъ же ты, видно, пива, да не скоро мы выпьемъ его и всѣ разомъ... Охъ-охъ! *помни, Господи, царя Давида и всю кротость его и все терпѣніе его!*

Примѣчаніе. Эти прибавленія, дѣлаемыя Семеномъ ключникомъ къ обычной своей фразѣ, показываютъ, что душа его вышла изъ спокойнаго состоянія. Ключникъ Семень, по общему свойству стариковъ повторять безпрестанно какую-нибудь поговорку, привыкъ такъ часто употреблять свое *Помни, Господи, царя Давида*, что потерялъ уже значеніе этой фразы и выражалъ ею радостныя и печальныя чувствованія, какъ восклицательнымъ междометіемъ.

—Ой пане мой, пане! продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ, положи руку на рукоятку двери:—не захочешь ты теперь не то грушоваго квасу, да и палѣвскаго меду! Охъ-охъ-охъ! *помни, Господи, царя Давида!*

Между-тѣмъ какъ старый ключникъ Семень вздыхалъ и въ то же время размышлялъ о гнѣвѣ своего добраго, но чрезвычайно раздражительнаго, пана, котораго онъ привыкъ любить и бояться въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ,—Михайло отыскалъ въ потемкахъ ту комнату, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ своего дѣтства подъ крыломъ нѣжно любимой его матери, и бросился ницъ на постель, будучи не въ страхъ бороться долге со множествомъ мыслей и чувствъ, одно другому противорѣчащихъ.

Въ головѣ у него все перемѣшалось. Онъ не могъ ни о чемъ размышлять: думы сами, какъ волны на морѣ, являлись толпами, нестройными, разнообразными, непостоянными,—мѣшались, увлекали его во всѣ стороны; и чѣмъ далѣе, все мутнѣе были ихъ зовъ и неопредѣленнѣе направленіе. Наконецъ глубокий сонъ освободилъ его изъ этого тягостнаго состоянія.

Проснувшись передъ разсвѣтомъ, Михайло почувствовалъ въ головѣ своей совер-

шенную свѣжесть, и произшествія вчерашняго дня живо представлялись его воображенію.

Еслибъ сотникъ Чарнышъ умѣлъ обойтись со своимъ сыномъ иначе, можетъ-быть, онъ успѣлъ бы дать его мыслямъ выгодный для себя оборотъ; но его преступленіе не только не ослабило рѣшимости Михайла, а еще поселило въ немъ большую прежняго недоумчивость къ образу мыслей своего отца. Правда, сотникъ Чарнышъ своимъ фашизмомъ, своимъ ужаснымъ видомъ и грозною рѣчью смѣшалъ и уничтожилъ его вчера совершенно; но испугъ Михайла былъ временный, и теперь отецъ представлялся ему болѣе жалкимъ, чѣмъ грознымъ, такъ что при мысли покинуть этого одинокаго, несчастнаго старика, въ немъ заговорилъ не страхъ, а сожалѣніе. Невольно вздумалъ онъ о Богѣ, карателѣ неблагодарныхъ дѣтей, и можетъ-быть, эта минута была бы весьма важною въ его жизни, еслибъ на помощь колеблющейся его рѣшимости не подоспѣло воспоминаніе о матери. «Кохавый сынъ мой Михайло!

двухъ только радостей прошу я у Господа милосерднаго: одной—чтобъ увидѣть тебя на ворономъ конѣ съ острою саблею въ рукѣ передъ козаками, а другой—чтобъ увидѣть тебя съ молодою подругою подъ вѣнцемъ царскимъ ²⁵». Эти немногія слова обожаемой матери сдѣлались для него теперь, при помощи собственной страсти къ войнѣ, священнымъ, непреложнымъ завѣтомъ, котораго не исполнить казалось ему великимъ преступленіемъ.

Кромѣ того, имѣя въ виду обѣщаніе Крыжановскаго—сдѣлать его въ *Подцарольдинскомъ* полку сотникомъ и полагаясь на свою неустрашимость и наследственную храбрость, онъ надѣялся, по окончаніи войны, воротиться домой знатнымъ старшиною, прославленнымъ всеобщею молвою, и обрадовать неожиданно отпа за тѣ горести, которыя причинить ему теперь своимъ непослушаніемъ.

Укрѣпленный всѣми этими мыслями и не подозрѣвая, что единственною ихъ причину было его юношеское желаніе ле-

тѣть въ широкіи, невѣдомый свѣтъ, Михайло встаетъ съ постели съ рѣшительнымъ намѣреніемъ ѣхать со двора въ ту же минуту.

Мѣсяцъ сквозь окна ярко освѣщала его комнату. Михайло отыскиваетъ фонарь, беретъ возлѣ спящаго Семена ключника ключи и идетъ въ комору, то есть въ кладовую, выбрать себѣ необходимѣйшія для походу вещи.

Въ этой коморѣ, освѣщаемой вовемя дня однимъ окномъ, съ желѣзною решоткою, прорубленнымъ подъ самимъ потолкомъ,—каждый поворотъ фонаря открывалъ передъ Михайломъ множество разнородныхъ предметовъ, которые мы рассмотрѣли бы теперь съ величайшимъ любопытствомъ, какъ древности, поясняющія больше всего бытъ нашихъ предковъ; но Михайлу было не до того. Быстро пробѣгаетъ онъ глазами всящія по стѣнамъ кольчуги, шпашки, конную сбрую, разнаго рода оружіе, оглядываетъ ящики, бочонки, сундуки, переодѣвается въ новый жупанъ, беретъ еще въ

запасъ дорогую пару платья, выбираетъ лучшую саблю, пистолеты и ружье, находитъ на привѣшенной къ потолку полицѣ въ огромномъ малеванномъ ковчѣ (употреблявшемся обыкновенно въ свѣтлый праздникъ для пасхи и ея принадлежностей) нѣсколько десятковъ серебряныхъ рублей и выходитъ на широкое подворье.

Мѣсяцъ высоко еще стоялъ надъ горизонтомъ; но на другой сторонѣ востокъ загорался ужѣ густымъ румянцемъ, и холодный вѣтерокъ, приводя въ движеніе дремлющія вѣтви черемухъ, предвѣщалъ близкое утро.

Михайло, по росистой травѣ, идетъ въ конюшню. Конь его заржалъ смутнымъ голосомъ ему навстрѣчу, почуявъ дальнюю дорогу.

Въ душѣ у Михайла какъ-то чудно, ново для него. Онъ не можетъ истолковать овладѣвшаго имъ печальнаго предчувствія, когда отозвался къ нему конь его. Молча, стараясь пересилить свое безпокойство, вы-

водитъ онъ его изъ конюшни, кладетъ на него дорогой чапракъ, затягиваетъ сафьянные ремни серебряными пряжками. Но конь не радъ богатому убору; онъ смутно бьетъ копытомъ землю и ржетъ, поворота голову къ конюшнѣ, будто прощается со своими товарищами.

У Михайла болитъ сердце отъ этого ржанія. Онъ старается успокоить своего друга, гладитъ, треплетъ его по крутой шеѣ и смотритъ на темныя окна дома, которыя на этотъ разъ приняли для него какое-то живое, укоряющее выраженіе, и невольно думаетъ:

— Отчего жъ я уѣзжаю, не прощаясь ни съ кѣмъ, какъ-будто изъ земли непріятельской?.. Бѣдный, несчастный мой отецъ!.. Я сврота; нѣкому дать мнѣ напутственнаго благословенія!.. Но что я говорю? Душа моей матери всегда надо мною. Она молитъ за меня Бога, она благословитъ меня въ далекій путь, на счастье и славу!

Еще разъ обвелъ глазами Михайло длин-

ный домъ съ его широкимъ фронтономъ и тонкою башенкою, увѣнчанною легкимъ желѣзнымъ крестомъ, обветшалыя и полуразвалившіяся строения, высокій заборъ, огромные почернѣвшіе ворота съ ихъ чудными пристройками и многочисленными украшениями, — тяжело вздохнулъ, не зная самъ отчего, и тихо выѣхалъ изъ отцовскаго двора, раздумывая, какими дорогами удобнее проѣхать ему къ Гадячу, и стараясь забыть, что конь его споткнулся, переступая порогъ фортки, — примѣта зловѣщая, по вѣрванію Малороссіявъ:

*Ой радъ бы я, моя мати, скорѣйше вернутися,
Да що съ нѣдъ одѣзъ вероньскій въ ворѣгахъ сидѣлауся?!*

ГЛАВА VIII.

Весь Воронѣжъ еще спалъ подъ легкими туманами широкихъ ставровъ своихъ. Изрѣдка только въ отдаленныхъ концахъ его отзывалось то пѣніе пѣтуховъ, то ржанье лошадей, пасущихся по пастовнвкамъ. Но эти слабыя отклики уснуваго творенія не только не разрушали спокойствія и неподвижности цѣлой картины, а служили даже необходимой принадлежностью природы, борющейся съ послѣднимъ своимъ и всякой

мигъ, готовой проснуться, открыть прекрасныя свои очи, заговорить и запѣть тысячами голосовъ.

Когда Михайло приближался къ воротамъ крѣпости, караульный козакъ немало удивился, увидя его на конѣ въ такую пору. Онъ, можетъ-быть, и не пропустилъ бы кого-нибудь другаго черезъ свой постъ, но зная, что Михайло служить въ Коллегіи, гдѣ быть челомъ и его сотенная старшина, козакъ, послѣ мнущаго размышленія, счелъ за лучшее отложить свои права до иного случая, а теперь снять шапку и поклониться въ поясъ пану сотничѣску. Михайло отвѣчалъ ему тоже поклономъ и въѣхалъ въ крѣпость.

Крѣпость эта (да будетъ мнѣ позволено сказать объ ней нѣсколько словъ, собственно для жителей мѣстечка Воронѣжа), крѣпость, говорю, эта, отъ которой остались намъ только слѣды, обведена была высокимъ землянымъ валомъ, съ двойнымъ частоколомъ и пушками. Она, при хорошемъ гарнизонѣ, въ военное время могла считаться

значительнымъ пунктомъ, потому что обита была вокругъ водою, и только въ одномъ мѣстѣ, вправо отъ королевской дороги, соединялась съ твердою землею узкимъ перешейкомъ, который перерѣзанъ былъ глубокимъ рвомъ, утыканнымъ на днѣ и по бокамъ крѣпкими дубовыми кольями²³.

Начало ея основанію, по преданію старины, положено въ первые годы семнадцатаго столѣтія, во времена Самозванцевъ, когда волны разнаго сброду людей стремились съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ и своимъ бурнымъ теченіемъ сглаживали иногда хутора и цѣлыя деревни. Воронѣжъ былъ тогда расположенъ нѣсколько южнѣе, къ Королевцу, и окруженъ со всѣхъ сторонъ густыми лѣсами, которые однакожъ не защитили его отъ нашествія разныхъ партій, поевавшихъ не столько за Дмитрія или противъ него, сколько для собственной поживы. Испытавъ отъ этихъ партій нѣсколько разореній, Воронѣжцы (которыхъ тогда было не такъ еще много, какъ нынѣ) рѣшились перенести свои жилища на полуостровъ, лежавшій отъ нихъ къ сѣверу, и,

укрѣпясь на немъ, отразили не разъ набѣги хвщниковъ.

Съ того времени, по мѣрѣ возраставшаго народонаселенія, жители заняли всѣ мѣста между и по-за ставами и окружили крѣпость множествомъ сосѣднихъ одинъ съ другимъ хуторовъ, разбросанныхъ съ патриархальной простотой и незатѣйливостью по всему тому пространству, гдѣ теперь Тросвищчина, Пречѣсчина, Покрѣвщина, Спасчина и Трѣбщина. Когда жъ въ тысяча-шестьсотъ-шестьдесятъ-четвертомъ году разнесся во всей Малороссіи слухъ, что король польскій Янъ Казимиръ «съ безчисленными польскими и татарскими силами пдетъ руїновать православную вѣру», Воронѣжцы снова принялись за крѣпость, и тогда-то она приняла тотъ видъ, въ какомъ я ее описываю.

Подобные же случаи (замѣчу мимоходомъ) были причиною основанія и множества другихъ редутовъ и крѣпостей, которыхъ остатки такъ часто встрѣчаются въ особенности по Черниговской губерніи. Въ

рѣдкомъ мѣстечкѣ и старомъ селѣ, не то городѣ, вы не найдете мѣста, которое бы-ваетъ часто совершенно гладко и пусто, но въ народѣ слыветъ подъ именемъ *здмка*.

Стоя подъ Глуховомъ, Янъ Казимиръ безпрестанно посылалъ въ окрестности своихъ жолнѣровъ и Татаръ грабить деревни и хутора для продовольствія войска. Досталось тогда и Воронѣжу: окружныя его поселенія были разорены, всѣ съѣстные припасы и скоть похищены, захваченные тамъ жители уведены въ неволю. Но крѣпость осталась невредимою и не разъ стрѣльбою изъ пушекъ поражала Татаръ, особенно со стороны Кролевецъ, гдѣ построена была надъ воротами каменная башня, уставленная пушками и похожая больше на кусокъ толстой стѣны, чѣмъ на башню какой угодно архитектуры. Она сдѣлана была длиннымъ параллелограмомъ въ три сажени только вышиною, съ крупными зубцами и съ толстыми устоями. Этой принадлежности предки наши не забывали ни въ одномъ каменномъ строеніи, мало заботясь о красотѣ, или вѣрнѣе сказать—вовсе не пони-

мая, въ чемъ состоитъ красота заданія.

Другіе ворота были противъ плотины, отдѣляющей нынѣ Шрамковъ ставъ отъ Пѣшовцева; но здѣсь они состояли изъ одной только каменной арки, вдѣланной въ валъ и называвшейся *брамою*, а башни надъ ними не было. Это вопервыхъ потому, что въ этомъ мѣстѣ передъ крѣпостью вода разлила несравненно шире, а вовторыхъ и потому, что Яна Казимира ждали не отъ Глухова и дѣлали редуты преимущественно съ южной стороны.

—Но гдѣ жъ теперь обон эти ворота и такая интересная по своей формѣ башня? спросятъ меня, конечно, многіе изъ нынѣшнихъ Воронѣжцевъ.

Васъ, почтенные мои земляки (такъ стану я отвѣчать имъ), долженъ я упрекать въ истребленіи этой почтенной древности, васъ плп по крайней мѣрѣ отцовъ вашихъ, которые, при постройкѣ Никольской церкви, разобрали не только драгоцѣнную для антиваріа башню, но и множество другихъ

каменныхъ построекъ, служившихъ для сбереженія казны, пороху, оружія и разныхъ военныхъ припасовъ, забывая въ своемъ набожномъ усердіи, что, разбирая тѣ камни, они вырываютъ самыя краснорѣчивыя листы изъ исторіи своихъ предковъ.

Для жителей Воронѣжа было бы также очень любопытно узнать о внутреннемъ устройствѣ несуществующей уже своей крѣпости, о старой деревянной церкви Николая, на мѣстѣ которой стоитъ теперь каменная, пожравшая въ себя воронѣжскія древности и убранная отъ верху до шпзу лѣпною работою; о погребехъ и потаенныхъ ходахъ, проведенныхъ подъ валами; о сотенной скарбницѣ, въ которой было много желѣзной сбруи и оружія, прославленныхъ въ бою и хранившихся единственно для памяти. Но, щадя терпѣніе прочихъ чптателей, я оставляю собранныя мною объ этомъ подробности до другаго случая и обращаюсь къ своему рыцарю.

Выѣхавъ изъ Воронѣжа, Михайло продолжалъ путь свой тихою рысью. Онъ ии-

какъ не могъ разсѣять смутныхъ думъ, овладѣвшихъ его душою. Напрасно ободрагъ онъ себя блпстательными надеждами, напрасно оправдывалъ поступокъ свой самыми справедливыми, по его мнѣнію, причинами. По вычисленіямъ ума, перевѣсь былъ на его сторонѣ; но сердце говорило свое, и внутренній голосъ былъ не въ его пользу. Наконецъ, послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, онъ убѣдилъ себя, что эти чувства не упреки совѣсти и тѣнятся ему въ душу совершенно по другой причинѣ.

— Можно ли, думалъ онъ:—оставлять родну, ѣхать въ чужую, далекую сторону, неизвѣстно; на долго ли, неизвѣстно, за какою долею, и еще быть веселу?... Но надо только ни о чемъ думать, а то я самъ на себя навожу тоску. Запоемъ лучше какую-нибудь удалую пѣсню, такъ это будетъ покозачки!

Но всѣ извѣстныя ему пѣсни вылетѣли, какъ нарочно, на этотъ разъ изъ головы

его. Онъ съ трудомъ вспомнилъ одну, но она начпналась такъ:

Ой у нѣтъ рѣчка, черезъ рѣчку кладна,
Не покидай, пріятель, ты родного бѣтма:
Якъ бѣтма покинешь, то и самъ загнешь,
Глѣською быстрѣнькою за Дунай заплывишь....

—Чортъ побери меня и все на свѣтѣ! вскрикнулъ Михайло, потерявшись совершенно:—Неужели я долженъ сойти съ ума!

Въ эту самую мпнуту услышалъ онъ за собой конскіи топотъ и оглянувшись увидѣлъ ключника Семена!

Первымъ движеніемъ Михайла было—бѣжать, но въ тотъ же мигъ онъ переменялъ свое намѣреніе и остался неподвиженъ, ожидая, что скажетъ ему посоль отцовскіи.

Ключникъ Семенъ, остановясь передъ Михайломъ, старался перевести духъ и не могъ начать рѣчи. Онъ только размахивалъ во всѣ стороны руками, держа въ одной нагайку, а въ другой поводья.

Въ его лицѣ выражалось совершенное разстройство, а старые глаза его блестяли ужасомъ. Михайло ждалъ громовой вѣсти и отчасти отгадывалъ уже ея содержаніе.

Душа Семена ключника на этотъ разъ была потрясена дотого, что, наконецъ начавши рѣчь, онъ перемѣнилъ слова въ той фразѣ, которая слылась навѣки съ его разговоромъ, и, вмѣсто *Помлии, Господи, царя Давида*, воскликнулъ съ выраженіемъ сильнаго чувства тоски и отчаянія:

— *О Господи! помлии царя Давида!*

И потомъ, махнувъ отрывисто рукою, продолжалъ съ тѣмъ же патетизмомъ:

— Пропало все! пропало все!... Шкодѣ ѿ казати! шкодѣ ѿ казати!... Что ты надѣлалъ, голова ты окаянная! Погубилъ ты навѣки свою душу!... *О Господи! помлии царя Давида!*

Тутъ онъ умолкнулъ и смотрѣлъ на Ми-

хайла. Михайло смотрѣлъ на него и не смѣлъ спросить, что значать эти восклицанія. Наконецъ ключникъ Семень указалъ ему нагайкой на Воронѣжъ. Михайло взглянулъ, и смертная блѣдность покрыла его щки.

Надъ Воронѣжемъ висѣла туча дыму, и красное пламя огромнымъ столбомъ вставало изъ-за садовъ.

Михайло вспомнилъ тогда, что, торопясь скорѣе выбраться въ дорогу, онъ оставилъ деревянный фонарь въ коморѣ на висащей полицѣ, гдѣ онъ бралъ деньги изъ старосвѣтскаго ковшу.

Какое-то итжное чувство показалось на губомъ, загорѣломъ и покрытомъ морщинами лицѣ Семена ключника. Онъ обнялъ Михайла съ несвойственною ему горячностью и на глазахъ его показались слезы.

— *Помлии, Господи, царя Давида!* связалъ онъ: — Прощай, дитя мое Михайло! Лучше было бъ не родиться тебѣ на Божіи

сѣтъ!... Я послѣ на рукахъ тебя, я тебя выкормилъ какъ итпичку, и мнѣ жъ назначено убить тебя! *О Господи! помли царя Давида!* Прощай навѣки! Не будетъ уже для насъ другаго Михайла!

—Что это ты говоришь, Семень? перерываю его Михайло, боюсь услышать такъ скоро истолкованіе страшныхъ словъ его:—Что ты говоришь? Мы еще увидимся. Ни кому не извѣстно будущее. Можетъ-быть, черезъ годъ имя мое будетъ славою для Воронѣжа....

—Черезъ годъ! черезъ годъ! возразилъ ключникъ Семень, отѣхавъ отъ него шага на два и качая головою:—*О Господи! помли царя Давида!*... Бѣдная, неразумная ты голова! черезъ годъ!... Такъ знай же, несчастная душа, что ты уже не сынъ пана сотника, что онъ отрекся отъ тебя навѣки, что ты никогда уже не увидишь Воронѣжа, что куда ни придешь, съ кѣмъ ни потоваришишь, всѣмъ принесешь одну бѣду и несчастіе и отъ всѣхъ своихъ пріятелей заслужишь укоры и шарканія! Знай,

бѣдною твореніе, что твой родной отецъ передъ всѣмъ народомъ, при заревѣ пожара, цѣловалъ святой образъ, отрекся отъ тебя навѣки и проклялъ твою душу! *О Господи! помли царя Давида и всю кротость его и все терпѣніе его!*

И съ этимъ словомъ ключникъ Семень поворотилъ коня и поскакалъ въ Воронѣжъ.

Никакими словами не можно описать того, что было тогда въ душѣ у Михайла. Какъ-бы пронзенный стрѣлою, онъ свалился съ коня и упалъ на траву близъ дороги.

ГЛАВА IX.

Еслибъ я былъ сочинителемъ этой исторіи, никогда бъ не поставилъ я своего героя въ такое мучительное положеніе, или лучше сказать— я, вмѣсто слабодушнаго юноши съ горячей головою и большимъ недостаткомъ опытности, выбралъ бы героемъ своей повѣсти рыцаря, полного всѣхъ совершенствъ, какія только можно придумать, неустрашаемаго, храбраго, благоразумнаго, гениальнаго, однимъ словомъ—та-

кого, какими всегда у насъ бываютъ герои романовъ. Но, къ сожалѣнію, я не романистъ, а только простой рассказчикъ истины, и потому не имѣю права, въ угожденіе чувствительнымъ сердцамъ, смягчать ни одной черты въ грустныхъ сказаніяхъ, которыя предпринялъ «передать грядущему роду, да не придутъ въ крайнее забвеніе», какъ говорятъ одни почтенный малороссійскій лѣтописецъ. По крайней мѣрѣ воспользуемся правами хоть рассказчика, оставимъ на время несчастнаго мечтателя, который, по естественному стремленію къ свободѣ и войнѣ, заключенному въ духѣ его соотечественниковъ, такъ необдуманно разорвалъ священные узы отеческой власти, выплылъ безъ весла въ открытое море и теперь самъ не знаетъ, куда и какъ направить свою лодку,—возвратимся въ Глуховъ и посмотримъ, что дѣлаетъ добрый судья и милая Катерина, такъ вѣжно любящая и такъ безжалостно оставленная пылкимъ энтузіастомъ.

Горе женщинамъ, которыя любятъ безумцевъ, неспособныхъ прелесть домашняго

кровя, вѣчно недовольныхъ настоящимъ, вѣчно стремящихся за горькими мечтами своего воображенія, безразсудно разрывая для нихъ самыя милыя связи, безъ сожалѣнія жертвуя имъ чужимъ и собственнымъ спокойствіемъ!

Разлучась на долго съ родной и оставивъ дома въ слезахъ любимую женщину, мы, мужчины, не испытываемъ того мученія, какое чувствуетъ она. У насъ, кромѣ любви, есть другія страсти, не менѣе сильныя (да простятъ мнѣ эту истину франты и молодыя дамы); наши гражданскія обязанности, труды, опасности и самія неприятности дороги спасаютъ насъ отъ мученій разлуки; и какъ горько мы ни жалуемся иногда на все въ своихъ плохихъ сонетахъ и романахъ, а право, размысливъ безпристрастно, легко можно согласиться, что тутъ еще бы нѣ въ-за чего поднимать большаго шума и терзать добрымъ людямъ уши своими вздохами, музыкой и стихами. Цѣть, если хотите знать, какъ тяжело болитъ душа послѣ разлуки съ милымъ сердцу существомъ, спросите у жи-

вцигъ. Онѣ полны одной любовью, у нихъ любовь заступаетъ мѣсто всей силы духа и страстей, какими одаренъ мужчина, такъ что переставая любить, онѣ перестаютъ быть *женщинами*. Спросите у женщинъ, но только у женщинъ, а не у тѣхъ существъ, которыя отличаются отъ насъ только меньшимъ количествомъ физической и нравственной силы и не обладаютъ, въ замѣну того, свойствами, составляющими для гордаго мужчины предметъ идолоклоннаго обожанія.

Катерина была *женщина* по душѣ и по сердцу, въ полномъ смыслѣ этого слова. Она любила такъ пламенно и безпредѣльно, какъ въ нашъ вѣкъ, я полагаю, любятъ уже немногія, — въ этотъ скудный для любви и поэзіи вѣкъ, когда женщины и ихъ души воспитываются въ теплицахъ по заграничнымъ рецептамъ и выпускаются на Божій свѣтъ вялыми и блѣдными, способными болѣе къ обмороку и спазмамъ, чѣмъ къ тому божественному чувству, которое животворило живопись, скульптуру и поэзію Грековъ, которое способ-

ствоvalo къ образованію истинно поэтическаго героизма среднихъ вѣковъ и родило цѣль всего, что есть лучшаго въ душѣ человѣческой, — наши малороссійскія пѣсни.

Катерина любила и, слѣдовательно, страдала. Но чѣмъ бы вы думали она выражала свои страданія? въ чѣмъ искала отрады и успокоенія своей оспротѣлой душѣ? Тогдашнихъ русскихъ книгъ читать женщинамъ не было возможности; по французски жъ она, къ счастью, не знала. Фортепьяно и визгливые романы въ то время не вошли еще въ употребленіе. Она не побѣжала въ театръ, потому что тогда, какъ и теперь, театра въ Глуховѣ не было. Она не побѣжала и на балъ, какъ это сдѣлала бѣ, для разсѣянія грусти, красавица нашего времени, вздыхающая передъ зеркаломъ по какимъ-нибудь вортлявымъ аксельбантамъ или любезному сіятельству, ускокавшему со скуки за границу. Она излила свою душу въ пѣснѣ **, самой простодушной, самой наивной, но которая въ соединеніи съ напѣвомъ составляетъ цѣлую балладу, цѣлую поэму чувствъ, невозможныхъ для пера; ибо

малороссійская пѣсня имѣетъ полное достоинство свое только въ устахъ пѣвца. Отнимите у текста голосъ, и останется то же, что останется отъ картины, если отнять у нее колоритъ и освѣщеніе: одинъ бездушный очеркъ, часто даже невразумительный для неопытнаго глаза.

Но какимъ образомъ я могу дать вамъ понятіе о томъ, какъ пѣла Катерина? Съ чѣмъ сравню ея голосъ? Перомъ ли выразить звуки любящей души, которые могли бѣ, казалось, сдѣлать цѣлымъ рыкающаго льва и размягчить сердце закоренѣлаго злодѣя? И неужели вы думаете, что какое-нибудь прославленное горло странствующей Итальянки можетъ, за золото, произвестъ вамъ что-нибудь подобное украинской пѣснѣ въ устахъ тоскующей Катерины? Тутъ нужна душа, тутъ надо сердце, стонущее звуками, какихъ не можетъ издать ни одинъ инструментъ, ни одинъ странствующій автоматъ.

Я вовсе не привелъ бы вамъ пѣсни, которую пѣла Катерина: безъ голоса вы ни-

когда ее не поймете; но полковой судья, возвращаясь изъ *присутствія* и проходя садомъ подъ окнами Катерины въ намѣреніи навѣстить ее по своему обыкновенію, услышалъ два стиха ея пѣсни, на которые онъ не обратилъ бы и вниманія, какъ на дѣтскій лепетъ, еслибъ голосъ Катерины не выражалъ ея чувствъ больше, чѣмъ слова. Но ея напѣву онъ понялъ, что эта пѣсня относилась непосредственно къ Михайлу:

Объ засветѣ, милый Гбже, да на небѣ спячку,
 Какъ мой милый буде палестя Дунай, быстру рѣчку!...

—Такъ! какъ разъ такъ! сказалъ судья усмѣхнувшись:—ожидай, пока онъ будетъ «плысти Дунай, быстру рѣчку!» Туда воронъ и кости его не занесетъ. Лучше бы ты, Катерино, вмѣсто Дуная, сказала—*Есмань, быстру рѣчку*, такъ это было бы правдоподобнѣе. Жаль только, что наша Есмань совсѣмъ не «быстрая», да и «свѣчки» не надо свѣтить: бо хвѣ * нечистый понесетъ его въ Глуховъ противъ ночи!

* Хвѣ—развѣ.

Все это говорилъ судья, минувши уже окно, у котораго сидѣла Катерина, и мало заботясь о томъ, что дочка не слышитъ его.

—Да, Катерино, сказалъ онъ, входя къ ней въ комнату:—лучше скажи—*Есмань, быстру рѣчку*.

При этомъ онъ отъ всей души разсмѣялся.

Но мѣшасть замѣтить здѣсь, что полковой судья занимался въ Коллегіи по однимъ судопроизводствомъ. Каждая камера, состоявшая подъ начальствомъ какого-нибудь члена, имѣла другою отдѣленіе, не такъ просторное, но гораздо занимательнѣйшее. Тамъ, вмѣсто готическаго зеркала и книгъ бумаги, строгимъ взорамъ чубатыхъ и усатыхъ юристовъ представлялись разныя закуски: пкра и балыки, только что вывезенные «зъ Доу» какимъ-нибудь чело-вѣчникомъ или присланные въ подарокъ изъ Сѣчи Запорожской отъ какого-нибудь знакомаго куреннаго отамана¹⁾. Между этими лакомствами занимали не послѣднее мѣсто и

произведенія домашней роскоши: холодная рыба, приготовленная на разные манеры съ искусствомъ, истинно классическимъ, нынѣ забытымъ или потеряннымъ при бѣдственномъ распространеніи такъ именуемой европейской гастрономіи; также—привлинные грибы, соленые арбузы и рыжки, —любимое у Малороссіянъ предисловіе къ обѣду и пріятное услажденіе добродушной бесѣды во всѣ другіе часы дня и ночи, при круговомъ обходѣ дѣдовскаго кубка. Но главнымъ украшеніемъ этой поэтической стороны присутственныхъ мѣстъ были—какъ читатели и безъ меня легко могли уже догадаться—тяжелыя, темныя флаги съ вѣковыми напѣвками, о которыхъ прошу нынѣшнихъ подагриковъ не судить съ презрѣніемъ, ибо *теперешніа* напѣвки еще хуже *теперешнихъ* вишь. Тутъ же, какъ пальмы посреди благовонной рощи, возвышались наполненные пивомъ, медомъ и фруктовымъ квасомъ глиняные и мѣдные съ длинными шеями кувшины, которымъ подобные можно видѣть на картинахъ, представляющихъ домашній бытъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ. Садовитые юристы, изъ которыхъ каждый,

по мѣрѣ важности и богатства, носилъ въ гаптованномъ золотомъ поясѣ большаго или меньшаго объема брюхо, собирались въ эти елпсейскія поля, граничащія съ судебнымъ адомъ, и между тѣмъ какъ писари ихъ пестрили ржавыми чернилами бумагу, они, подъ радушный говоръ дружеской бесѣды, кушали и попивали не хуже боговъ на Олимпѣ.

Итакъ судья воротился домой совѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ являются передъ своихъ женъ пингвиніе чиновники какого-нибудь департамента, взмученные тягостною работою, блѣдные, проголодавшіеся. Въ его взорахъ видно было дозволеніе самимъ собою и людямъ; свѣтъ въ это время представлялся ему въ видѣ объемистаго пирога объ руку съ щеголеватю бутылкою, въ кругу милыхъ дѣтей—чарокъ и кубковъ разнаго возраста. Онъ весело покряхтывалъ, стуча сафьянными своими сапогами по бѣлому липовому полу Каторжинной спальни и переваливаясь съ бока на бокъ, какъ жирная утка.

—Да, да, милая Катя, говорилъ онъ, подходя къ ней в протягивая руку, чтобъ погладить ее по щекъ (любимая его ласка): —Есмась, быстру рѣчку, а не Дунай. Ты уже и зажурилась, моя горлица, *turtur mea*, какъ говорить бывало другъ мой старыи Чарнышъ... Что это? слезы?... Не гнѣви, Катерино, Бога: придетъ еще твоя пора плакать.

—Охъ, милый мой Боже! сказала Катерина вся въ слезахъ, схвативши заруку своего отца и склонясь къ нему на плечо головою.

—Катерино! милое дитя мое! что ты дѣлаешь? Перестань, а-то еще и я съ дуру заплачу, какъ *малодля* подъ покрываломъ.

—Охъ, Боже мой! говорила Катерина, садясь на свое мѣсто и закрывая лицо руками.

—Ну, да чего жъ, скажи ты мнѣ пожалуйста, чего тутъ *Боже мой!* Стоить ли за такими пустяками тревожить Бога? Какъ-будто Ему ничего не остается больше дѣ-

лать, какъ только обвинять какую-нибудь плаксу Катерину съ какимъ-нибудь вертопрахомъ Михайломъ.

—Обвинять! повторила Катерина:—сырая земля насъ обвиняетъ!

И слезы прервали ея рѣчь.

А это изъ-какой пѣсни? сказалъ судья, стараясь засмѣяться, хотя слезы Катерины произвели въ немъ необычайное волненіе, какъ-будто падали на его сердце:—Не успѣлъ человекъ выѣхать за городъ, уже и расплакалась, какъ Рахиль по Иосифу. Да уже жъ постой: пусть только придетъ; я поспѣшу съ вашей свадьбой; и увидишь ты сама, если онъ не надоѣсть тебѣ въ одинъ годъ хуже горькаго хрѣну. Покойница твоя мать, бывало, безпрестанно гоняетъ меня изъ дому, а бестія хорунжіи... ну, да что объ этомъ вспоминать? Не плачь, Катерино. Завтра жъ онъ явится тутъ. Увидишь, какъ турнетъ его старыи сотникъ. То-то будетъ смѣху! Пусть только покажется.

— Не смѣяться уже больше вашей Катеринѣ, батюшка!

— Да ну, пожалуйста перестань, Катю! Ты говоришь это, я увѣренъ, только по своей женской глупости, но такимъ образомъ, что у меня душа не на мѣстѣ, какъ будто подъ Глуховомъ стоитъ сто тысячъ Лиховъ, какъ было за жизни твоего прадеда, генеральнаго судьи.

— Ахъ, я хотѣла бы теперь быть глупою и сумасшедшею, чтобъ не знать своей несчастной доли! Михайло не воротится уже къ намъ въ Глуховъ. Онъ поклялся, что никакія угрозы отца не заставятъ его отказать отъ походу!...

— Чортъ побери всѣхъ этихъ вѣтрогоновъ! воскликнулъ судья:— Еслибъ не ты мнѣ это говорила, никому бы я не повѣрилъ, чтобъ Михайло могъ сказать такіа богопротивныя слова!... Какъ! не послушаться отца!! да гдѣ жъ у него страхъ Божій?

Судья въ сильномъ волненіи прошелся

по свѣтлицѣ. Ему вдругъ представились такіа мысли, которыя никогда еще не посѣщали головы его.

Катерина продолжала:

— Да и чего добраго можно было ожидать послѣ того, какъ появилась въ нашемъ домѣ эта зловѣщая птица—Крыжановскій? Гибель Божій тяготѣетъ надъ этимъ грѣшникомъ. Онъ вездѣ, гдѣ онъ покажется, приноситъ съ собою одно несчастіе.

— Крыжановскій, повторилъ судья въ раздумьи, и какъ-бы вникая въ смыслъ этого слова:— а что жъ тутъ за несчастіе намъ отъ Крыжановскаго?

— Ахъ, батюшка! онъ-то и всему злу причиною. Отъ перваго его взгляду у меня заболѣло сердце и до-сихъ-поръ болитъ. Я знала, что онъ, какъ зараза, не выйдетъ изъ нашего дому не оставивъ послѣ себя слезъ и тоски..

— Ты говоришь странныя вещи, Кате-

рино, сказалъ судья, остановись передъ нею съ выраженіемъ страху:—развѣ онъ какой-нибудь колдунъ или упырь?

—Одинъ Богъ знаетъ, какіе грѣхи лежатъ на душѣ его. Про это много разсказываютъ наши горожане. Но развѣ вамъ не извѣстно, что онъ обѣщалъ сдѣлать нашего Михайла въ новомъ своемъ полку сотникомъ?

—Такъ и есть! вскрикнулъ судья, вспомнивши вдругъ свой разговоръ съ Михайломъ:—Не даромъ онъ такъ заступался за этого жидка! Я было подумалъ, что бѣдное хлопъ выпило лишнюю чарку меду!

—И вы не ошиблись: этотъ нечестивецъ опьянилъ его своими чарами, обезумилъ его несчастнаго. Онъ говорилъ вчера со мной въ такомъ жару, какъ помѣшанный.

—Такъ и есть! сказалъ судья:—Проклятый антихристъ!... Гдѣ видано, чтобъ безъ нечистой силы такое дѣтя, какъ нашъ Михайло, могло подумать не слушаться отца?

Катерина тихо плакала.

—Однакожь, Катерина, ты напрасно убиваешься Богъ знаетъ за чѣмъ, говорилъ отецъ, стараясь ее утѣшить, но сомнѣваясь и самъ въ своихъ словахъ:—Михайло хоть и съ горячей головою, какъ и самъ старшій Чарнышъ, но у него душа богобоязненная. Отецъ и мать его происходятъ изъ хорошаго роду, ибо Чарныши и Гладкіе всегда отличались въ полѣ храбростью, а дома добрымъ житьемъ съ сосѣдями и самою строгою честностью. Да вспомни жъ еще, каковъ и самъ панъ сотникъ: противъ того вѣдь не такъ-то легко пойти!

—Это я знаю, говорила Катерина:—но я увѣрена, что все сдѣлается по желанію Крыжановскаго.

—Ты увѣрена? сказалъ судья, опять становясь передъ нею и не находя, чѣмъ утѣшить свою дочку, потому что эти два слова разрушили всю его твердость: Но знаешь ли, что, Катерина? сказалъ онъ, немного ободрясь:—Пусть Михайло даже и

пойдетъ противъ отца, — отъ чего сохрани его Богъ, — пусть даже онъ не воротится и съ походу, — чего конечно не дай намъ Мати Божія! — но развѣ только и жениховъ тебѣ, что Чарнышенко? Вспомни, что ты не какая-нибудь поповна, а дочь полкового судьи; одна у отца, котораго дѣдъ былъ генеральнымъ судьей, да еще когда бъ только судьей, а-то судьей Животовскимъ! Это вня чего-нибудь стоить въ Малороссіи! Да тебѣ, Катю, найдутся женихи — полковники, асаулы, хорунжіе генеральные!

— Асаулы генеральные! хорунжіе! сказала Катерина, поднявшись быстро съ своего мѣста съ выраженіемъ во всѣхъ движеніяхъ сильнаго чувства: — И вы думаете, что для меня что-нибудь значить вся эта старшина генеральная!... Итъ, Богомъ и Его Пречистою Матерью клянусь, прибавила она съ особеннымъ одушевленіемъ, обратясь къ иконамъ и положила на сердце руку: — если нечистые чары врага рода христіанскаго отнять у меня, Михайла, одна сырая земля расплететъ мою косу!...

Пойду въ монастырь, и никогда нога моя не ступитъ за порогъ его!

Полковой судья былъ уничтоженъ этимъ монологомъ со всѣми своими попытками на утѣшеніе, котораго не имѣлъ самъ въ своей сердцѣ. Въмѣсто всякаго возраженія, онъ махнулъ рукою и ушелъ въ свою комнату.

ГЛАВА X.

Полковой судья провел ночь очень спокойно, будучи безпрестанно тревожимъ злобными сновидѣніями.

Что же касается до сна Катерпины, это извѣстно болѣе полуночному мѣсяцу, чѣмъ мнѣ, ибо его блестящей лысинѣ, за выслугу лѣтъ, позволено, какъ самому неподзрѣтельному евшуху, заглядывать въ окна красавицъ даже и тогда, когда онѣ бываютъ

въ самомъ очаровательномъ своемъ нарядѣ, то есть безъ всякаго наряду.

Катерпина утромъ не выходила изъ своей комнаты. Судья хотѣлъ, но не рѣшился, съ нею увидаться. Онъ отложилъ это на нѣсколько часовъ, надѣясь, собравшись съ духомъ, придумать что-нибудь къ ея утѣшенію.

Ранѣе обыкновеннаго ушелъ онъ въ Коллегію въ намѣреніи заняться, для своего успокоенія, дѣлами или бесѣдой со своими сослуживцами, которые вообще болѣе любилъ рѣшать участь бутылокъ и сельдей, чѣмъ участь тяжущихся и подсудимыхъ. Но у самаго входа въ его камеру два казака заступили ему путь, кланяясь въ поясъ.

Одинъ былъ лѣтъ пятидесяти, довольно плотенъ и нѣсколько сутуловатъ; другой—лѣтъ тридцати-пяти съ длинными русыми усами, высокій, съ маленькой головою на длинной шеѣ.

—А что вамъ нужно, козакъ? спросилъ судья, нѣсколько даже довольный, что для него будетъ занятіе, которое потребуетъ, можетъ-быть, всего его вниманія.

—Мы къ твоей милости, пане судья, сказалъ, кланяясь снова, старшій козакъ.

—Къ вашей милости, Омелянъ Прокловичъ, прибавилъ отъ себя, также кланяясь, младшій, который вообще въ своей наружности показывалъ не столько сельской простоты, какъ его товарищъ.

—Добре, козакъ, сказалъ судья, входя въ залу и ведя ихъ за собою:—Ну, що жъ у васъ за дѣло?

—Да наше дѣло, пане добродѣю... я хотѣлъ сказать—пане судья, наше дѣло завязалось за дѣдовскіе дубы.

—Наше дѣло о порубкѣ лѣсу, сказалъ младшій козакъ, употребляя канцелярскій терминъ и тѣмъ показывая, что онъ человекъ, бывавшій таки межъ людьми.

—Нѣтъ братъ, Опанась, возразилъ старшій козакъ:—не лѣсу: другое дѣло лѣсъ, а шное дубы, да еще дѣдовскіе. За лѣсъ я тебѣ, пососѣдски, и слова не сказалъ бы.

—Такъ онъ, стало-быть, вырубилъ въ твоёмъ лѣсу дубы? спросилъ судья.

—Такъ, добродѣю, такъ, пане судья, говорилъ козакъ, кланяясь судѣ въ поясъ:—вырубилъ два дуба такіе, что не обнять и въ два охвата.

—Такъ вотъ-это вы пріѣхали къ намъ за нихъ и позываться?

—Такъ, Омелянъ Прокловичъ! сказалъ младшій, стараясь своею вѣжливостью задобрить судью въ свою пользу.

—А сотенная жъ канцелярія васъ уже судила?

—Судила, пане добродѣю, да ничѣго не вразила, отвѣчалъ другой:—такъ отце вже вдарились до вашон милости.

—Зачѣмъ же было вамъ обоимъ прѣзжать? Мы отвѣтчика потребовали бы послѣ.

—А какъ же, добродѣю, пане судья, Омелянъ Про...кѣповичъ? сказалъ старшій козакъ:—Мы всѣ живемъ подъ Богомъ. Я не хочу, чтобъ добрый человѣкъ послѣ на меня нарекалъ, что я въ судѣ наговорилъ на него лишнее. Вотъ я таки, хоть крѣпко на него подосадовалъ за дѣдовскіе дубы, однакожь вчера пришелъ къ нему да и говорю: А що жъ брагъ, Опанасъ? запрежемъ лшшъ у возъ каждый по коню, да поѣдемъ до Глухова ²². Пускай насъ тамъ разсудятъ, кто правъ, кто вниовать. Ну, согласилсь и поѣхали; да уже за однимъ заходомъ, какъ водится межъ добрыми людьми, и колоду пчелъ вашей милости привезли изъ Опанасовой таки пасяки. Не погнушайтесь, добродѣю, принять безъ гнѣву, а мы уже за колоду межъ собою разквитаемся.

—Добре, сказалъ судья, все добре, панове молодцы. Ну що жъ теперъ ты ска-

жешъ, Опанасъ? Нѣщо ты знѣвечивъ доброду чоловѣкови два дубы?

—Що жъ, Омелянъ Прѣкловичъ? не во гнѣвъ вамъ-мосци, сами можете разсудить, що Богъ создалъ дубы и всякое древо на потребу всему христіянству, и для Него все равно, хто бъ ни вырубилъ ту пару дубовъ: чи то Опанасъ Грѣчка, чи то Потапъ Карнаухій.

—Видишь, Потапъ, что онъ говоритъ? сказалъ судья, который не могъ съ разу придумать возраженія противъ такого замисловатаго софизма.

—Да вы его не слушайте, Прокѣпъ Омеляповичъ, отвѣчалъ простодушно Потапъ Карнаухій:—пожалуй, онъ вамъ наговорить такого, якъ-будто панотѣць изъ книжки послѣ службы! Вы еще не знаете: онъ у насъ письменный на всю губу. Я думаю нѣтъ на свѣтѣ такой книжки, которой бы онъ не разобралъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ ваша милость была тогда въ сотенной канцеляріи, когда мы позывались! Тамъ онъ такое за-

говорилъ, что и писарь, и сотенный отманъ, да и самъ панъ сотникъ, руки опустили: не знаютъ, якъ такого письменного челоуѣка и судить!

Опанасъ Грѣчка, при этой похвалѣ, само-довольно усмѣхнулся и погладилъ свои пушистые усы; а Потѣпъ Карнаухій между-тѣмъ продолжалъ:

—Теперь, пане добродѣю, Прокѣпъ Омоляновичъ, письменныхъ развелось уже столько, що скоро дяки стануть ни по чомъ. Я напередъ зналъ, якѣ тутъ буде менѣ зъ ипшъ кумѣдїя. Всѣ сосѣди, да и мои такі домашніе, говорили: «Куды тебѣ, дялько Потѣпъ, тягаться съ Опанасомъ! онъ челоуѣкъ письменный, онъ всякіе статуты знаетъ (тутъ судья внимательно посмотрѣлъ на Опанаса Грѣчку, который стоялъ, приосанившись и залажа правую руку за свой поясъ), да онъ изъ тебя тамъ посмѣшищо сдѣлаеть». Говорите! думаю я себѣ: вамъ сдается, що и въ Коллегїи, якъ у васъ на крестинахъ, одни смѣха да баландрасы! И похваля таки; нехай таки и нашихъ зна-

ють; нехай бондарь Степанъ Журба не каже, що Потѣпъ Карнаухій смпртїи всякой старой бочки. Просимъ усердно вашей милости, разсудите только, кто изъ насъ правъ, а кто виноватъ, и кому пзъ насъ стыдно²²; я больше ничего и не хочу.

—Ну, если такъ, сказаъ судья:—то я совѣтоваъ бы вамъ лучше помвриться.

—Пользя, пане добродѣю; не можно ни якою мѣрою, Прокѣпъ Остаповичъ, говорилъ проситель, крутя головою съ тою комическою миною, которая свѣѣственна только малороссїйскимъ простолюдицамъ:—дубы дѣдовскїе. Я и Богъ знаетъ чего не хотѣлъ бы за нихъ. Нужно вамъ знать только, добродѣю Остапъ Прокѣповичъ, одно то, що не будь тѣхъ дубовъ, не було бъ на свѣтъ и Потѣпа Карнаухого, а ни ѣго жинки, а ни ѣго дѣтей.

—Какъ же это такъ?

—А такъ, ваша милость, Остапъ Прѣковичъ. Ось слушайте только, якѣ тутъ

дѣло было. Се, бачъ, теперь у насъ на Гетманщинѣ такъ стало тихо, що нечутно а ни Турка, а ни Татарвы, а ни якого бѣса, oprичъ оттихъ нависноголовыхъ *Гостинцевъ* 30; а въ старыя годы, еще за моего дѣда, тутъ, говорятъ, дѣлалось лнхоодно, да и только. Находилъ якій-сь-то круль польскій, щобъ усѣхъ козаковъ повернуть у поганое католицтво. И прптягнули они окаянные съ силами неизчислимыми, и облягли Глуховъ...

—А въ Глуховѣ былъ тогда съ войскомъ никто другой, какъ мой дѣдъ, генеральный судья Животовскій, замѣтилъ не безъ удовольствія полковой судья.

—Богъ его знаетъ, кто уже тамъ былъ; это не наше дѣло, сказалъ Потѣпъ Карнаухій.

—Да, да, Омелянъ Прѣловичъ, подхватилъ его ученый товарищъ:—никто другой, какъ вашъ дѣдушка Павелъ Ивановичъ Животовскій, генеральный судья, царство ему небесное, вѣчный покой! И онъ съ

своими козаками славно попотчивалъ подъ Глуховомъ круля польского Яна Казимира! Это было, сдается, въ року тысяча-шесть-сотъ-шестьдесятъ-четвертомъ?

—Именно такъ, сказалъ полковой судья, взглянувши на Опанаса Грѣчку съ особенною благосклонностью.

Однакожь эти свѣдѣнія простаго козака въ исторіи сколько доставили судья удовольствія, столько жъ и раздумья.

—Весьма быть можетъ, думалъ онъ:— что этотъ грамотѣй читалъ отъ нѣчего дѣлать Статутъ Литовскій и, при хорошей памяти, помнить нѣкоторые пункты лучше меня. Правда, какъ мнѣ и помнить, когда я лѣтъ съ двадцать уже въ него не заглядывалъ, судя народъ по закону Божию, то есть по совѣсти, при помощи разсудка и обычаевъ предковскихъ. Что если я не такъ рѣшу дѣло? А лѣнь проклятая рыться!

И между-тѣмъ какъ полковой судья разсуждалъ такимъ образомъ, Потѣпъ Карнаухій.

ухій, не замѣчая, что его не слушаютъ, доказывалъ съ большимъ усердіемъ, почему онъ не существовалъ бы со всей своей фамиліей безъ дѣдовскихъ дубовъ. Но щадя читателей отъ его слишкомъ краснорѣчивыхъ словозвѣтій и прикрасть, я сокращу его повѣствованіе, сказавши запросто, что дѣдъ его со своими сыновьями спасся на этихъ дубахъ отъ преслѣдованія Татаръ, которыхъ король Янъ Казимиръ, облегли Глуховъ, посылалъ въ окрестныя мѣста для грабежа.

— Возьмите немного терпѣнія, панове молодцы, сказалъ судья козакамъ, пока придетъ мой полковой писарь. У него глаза молодые, а я, право, уже мало вижу грамоту. Онъ васъ и разсудитъ. А вы ему не поспустите поставить полведра меду или тамъ чего-набудь. Откуда жъ вы сами?

— Да мы, пансе, изъ Воронѣжа, отвѣчалъ Потѣпъ Карнаухій.

— Изъ Воронѣжа! сказалъ судья, и Михайло тотчасъ представился его воображенію.—

Что жъ у васъ тамъ добраго слышать?

— Уже такъ, що добрее! Тамъ, пане, бѣда поднялась. Всюды слышишь только плачь да крикъ, бо всѣ парубки и хлопата покидаютъ своихъ отцовъ и матерей и идутъ въ какіе-то проклятыя *Гостинцы*. Ажъ страшно! Ей Богу!... Какъ-будто ихъ нечистая сила несетъ до того Петинбурху. Таки всѣ чисто хлопцы исчезли изъ Воронѣжа, мовъ-бы, нехай Богъ крые, чума прошла по всѣмъ дворамъ и передушила всю молодежь.

— Или какъ-будто Ангелъ Господень прошелъ по нашему воронѣжскому Египту и поразилъ всѣхъ первенцевъ, сказалъ премудрый Опанасъ Грѣчка.

— Да нехай же и такъ, продолжалъ Потѣпъ Карнаухій:—только то мнѣ, добродѣю, чудно, що уже нехай бы нашъ братъ, простый человекъ, тянулся до столпцы, щобъ заробитъ копѣйку; а-то всѣ попывчи и панпчи туда жъ поволоклись. Сегодня ѣдемъ съ Опанасомъ до Глухова; глядь—на путивль-

скомъ шляху что-то примѣтное. Я жъ, пока еще разсмотрѣлъ, а Опанась и говоритъ: «Да этожъ нашъ Чарнышѣнко»....

—Какъ? Михайло? и на путыльскомъ шляху? вскрикнулъ судья.

—Такъ, добродѣю, сынъ стараго сотника, на конѣ, в ружье за спиною; а съ нимъ еще какіе-то два бурлаки. Помчались во весь духъ; только пыль закурилась!

—Пропашее дѣло! вскричалъ судья и, схвата свою шапку, выбѣжалъ изъ Коллегіи.

Дорогою однакожъ онъ немного успокоился и размыслилъ хорошенько, какъ поступить ему въ этихъ обстоятельствахъ. Воротаясь къ своей дочери, онъ принялъ на себя, по возможности, спокойный видъ и, послѣ взаимныхъ утреннихъ привѣтствій, сказалъ ей:

—Сегодня, Катю, мнѣ нужно, по казеннымъ дѣламъ, ѣхать въ Гамалѣвскій монастырь. Такъ одѣнься скорѣе: я завезу тебя,

по дорогѣ, къ тетускѣ Тетяніѣ Ивановѣ, что живетъ въ хуторѣ подъ Воронѣжемъ. Она просила меня нѣсколько разъ, чтобъ я привезъ тебя къ ней въ гости. Въ монастырь жъ я пробуду не больше двухъ или трехъ дней и потомъ опять заѣду за тобою. Да тамъ же однимъ разомъ побываю и въ Воронѣжѣ, чтобъ дать вмѣстѣ съ старымъ Чарнышемъ порядочную гонку этому сорваголову Михайлу, если онъ прежде насъ не поспѣшитъ въ Глуховъ.

Не смотря однакожъ на наружное спокойствіе, судья имѣлъ въ голосѣ и въ глазахъ что-то такое, что Катерина, какъ женщина (а женщины всегда догадливѣе насъ), не могла не проникнуть въ горестную истину. Но, получа отъ природы, вмѣстѣ съ нѣжнымъ сердцемъ, твердость переносить несчастія, или лучше сказать—способность покоряться безъ ропоту горькой своей судьбинѣ,—качество, которымъ можетъ похвалиться не всякъ даже и изъ самыхъ мужественныхъ умовъ,—Катерина не хотѣла увеличивать своимъ рыданіемъ и безъ того сильной тоски любившаго ее до слабости отца, скрыла передъ

нимъ свои чувства и поспѣшила одѣваться, отирая потихоньку невольна капавшія изъ очей слезы.

Черезъ полчаса отецъ и дочь были уже въ дорогѣ и молча катились въ старинномъ рыдванѣ межъ плодоносныхъ полей, разстилающихся свѣжими, волнистыми коврами отъ Глухова до Воронѣжа.

Скучно быть въ обществѣ молчаливыхъ, и потому мы можемъ опередить ихъ и познакомиться съ новымъ лицомъ, которое также займетъ нѣсколько страницъ въ моемъ сказаніи.

Тетушка Татьяна или, какъ называли ее по малороссійскому произношенію, *Тетяна Ивановна* была очень почтенная женщина пожилыхъ уже лѣтъ, отличавшаяся болѣе своимъ добродушіемъ и многими любезными свойствами, нежели умомъ. Да и кто требовалъ тогда отъ женщины ума, когда и въ наши времена многіе философы, — я къ нимъ не принадлежу, — утверждаютъ, что умъ въ

женщинѣ, и особливо въ женѣ, самая лишняя вещь?

Она давно уже была свободна отъ супружескихъ узъ, какъ это всякій фзіогномистъ могъ бы легко увидѣть по ея бойкимъ движеніямъ, по ея рѣзкому, мужественному выговору словъ, смѣлости взглядовъ и какому-то особеннымъ приемамъ, явно показывавшимъ, что необходимость заставляла ее часто, въ хозяйственныхъ дѣлахъ, исполнять должности, которыя обыкновенно (въ наши времена) выполняютъ съ большою ловкостью и удовольствіемъ нѣкоторые мужчины, особенно отставные подпоручики, поручики и штабсъ-капитаны.

Надобно однакожь отдать ей справедливость, что она не была изъ числа тѣхъ вдовъ, которыя помнятъ своихъ покойныхъ мужей только по трауру, лишшающему ихъ цѣлый годъ удовольствія наряжаться въ бальное платье. Восемьнадцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ ея тучный Степанъ Степановичъ, объѣвшись блановъ со сметаной, отправился къ воинственнымъ

своимъ предкамъ; но ея сожалѣніе и вздохи увеличивались съ каждымъ годомъ.

—Охъ—охъ! говорила она по нѣскольку разъ на день, даже когда никто ее и не слышалъ:—Богу угодно было положить предѣлъ, его же не прѣйдеши! Не была бъ я теперь бѣдною сотенною асаулихою, а можетъ-быть полковницею, если не больше! Кто жъ могъ знать волю Божию? Когда я выходила замужъ за своего покойнаго Степана Степановича, можно ли было думать, что такой видный мужчина проживетъ только двѣнадцать лѣтъ и умретъ асауломъ? Казалось, по его здоровью и сложенію, онъ могъ бы дослужиться хоть до гетмана!

Прибавимъ еще къ этому, что тетушка Тетяна Ивановна вообще любила слушать рассказы о великихъ сановникахъ, знала не хуже любого церемоніймейстера весь этикетъ гетманскаго двора, знала самые древніе обычаи при приѣмѣ иностранныхъ пословъ и вельможныхъ гостей у гетмановъ, помнила множество даже чисто-историческихъ преданій и старинныхъ героическихъ

малороссійскихъ пѣсенъ и чрезвычайно уважала высокіе чины и знатное происхожденіе.

Съ такими почтенными качествами не трудно было ей пріобрѣсть особенное уваженіе и довѣренность своего родственника, полковаго судьи, котораго знаменитаго предка она ставила, по вопиющему таланту и блистательной храбрости, едва ли не выше Александра Македонскаго.

Приближаясь къ хутору тетушки Тетяны Ивановны, полковой судьи, при всемъ печальномъ расположеніи души, не могъ не почувствовать особеннаго удовольствія, потому что прежнія пріятныя впечатлѣнія возобновились вдругъ въ его воображеніи при видѣ свѣтлаго пруда, надъ которымъ бѣлѣлъ сельскій домикъ, гдѣ онъ такъ часто проводилъ время въ радушныхъ разговорахъ съ гостепріимною хозяйкою.

Не стану описывать буколическаго ландшафта, какой представлялъ этотъ хуторъ со своими неизменными, опрятными хатками, надводными вербами, группами чере-

мухъ, вишень и яблонь; со множествомъ двуногихъ и четвероногихъ животныхъ, пе- стрѣвшихъ на водѣ и на сушѣ; съ вино- курнею, водяною мельницею и плотиною. Скажу прямо, что тетушка Тетяна Ива- новна съ высокаго рундука своего увидѣла колесницу, освѣщенную облакомъ пыли, сквозь которую она однакожъ тотчасъ узнала давно пзвѣстныхъ ей «строкатыхъ» лошадей, съ огромными хомутами, и еще пзвѣстнѣйшаго Ивана Шпака, возницю полковаго судьи, съ длиннымъ батономъ въ рукѣ, въ высокой шапкѣ, перекирвленной на бокъ не хуже какъ и у того «воина знаменитаго», что на гербѣ малороссійскомъ.

Оставя всѣ свои занятія, она побѣжала въ спальню, переодѣлась наскоро, какъ толь- ко успѣла параднѣе, и, чтобъ почтить вы- сокій санъ своего гостя, вышла своей осо- бою ему навстрѣчу.

Колесница медленно приближалась и на- конецъ остановилась на плотивѣ. Тетяна Ивановна приняла своихъ гостей у самой мельницы, осыпала судью комплиментами,

а Катерину ласками, и, помѣстя свою важ- ную особу между отцомъ и дочкою, тор- жественно повела ихъ во свои палаты подѣ соломеяною крышею.

Тетушка Тетяна Ивановна не имѣла дѣтей и потому любила Катерину болѣе обыкно- веннаго. Ей очень пріятно было это посѣ- щеніе; она не знала, гдѣ посадить свою племянницу, и только одно почтеніе къ сану судьи заставляло ее по временамъ освобож- дать печальную дѣвушку отъ своихъ во- просовъ, похвалъ и пѣжностей.

—Я надѣюсь, Омелянъ Прокловичъ, ска- зала она:—что вы съ своею милою пере- пелочкою прогостите у меня нѣсколько дней?

—Перепелочкѣ я это оставляю на ея добрую волю, отвѣчалъ судья:—а самъ я ѣду, по дѣламъ, въ Гамалѣвскій монастырь.

—И на долго?

—Дня на два.

—И скоро?

—Сей часъ.

—Какъ можно? Гдѣ это видано?

—Дѣла очень пужныя, Тетяна Ивановна. Нельзя мнѣ замедлить и одного часу. Воротись отсюда, я опять буду вашимъ гостемъ.

Тетяна Ивановна хотѣла было оставить его обѣдать; но судья, не смотря на всѣ ея просьбы, вырвался отъ нея почти насильно и уѣхалъ, но только не въ Гамалѣевку, а въ Воронежъ.

ГЛАВА XI.

Полковой судья, вѣзжая въ Воронежъ, замѣтилъ въ народѣ нѣкоторое волненіе. Проезжая съ возможной быстротою его кривыя улицы и широкіе майданы (то есть площади) **, которыхъ тогда въ Воронежѣ было множество, онъ часто встрѣчалъ разной величины кружки, составившіеся то изъ женщанъ, то изъ мужчинъ. Женщины лепетали всѣ разомъ, но изъ ихъ крику нельзя было ничего схватить слухомъ, кромѣ

отрывистыхъ и непопятныхъ восклицаній. Мужчины обнаруживали менѣе живости въ своихъ тѣлодвиженіяхъ и разговорахъ; между ними по большей части ораторствовалъ кто-нибудь одинъ, размахивая медленно руками или нагайкою (оружіе столь же употребительное у Малороссіянъ, какъ и *цѣпѣкъ*, то есть палка); другіе слушали молча, опершись на свои посохи и *батожкі*, потупя очи въ землю и покачивая значительно головою.

Еслибъ судья не велѣлъ своему возникшѣ Шпаку гнать такъ быстро лошадей и еслибъ востозавѣтный его рыданъ не такъ сильно стучалъ, визжалъ и дребезжалъ, можетъ-быть, онъ мимоходомъ узналъ бы причину этихъ сходовъ народу. Но, оглушаемый свистомъ Шпака, громкимъ и частымъ хлопаньемъ бича его и стукомъ своей колесницы, онъ изъ всѣхъ кружковъ захватилъ только по нѣсколькѣ фразъ. Однакожъ эти нѣсколько фразъ, при всей своей разнохарактерности, которой и самый смѣтливый умъ не привелъ бы къ одному знаменателю, прибавили тревоги его душѣ, ибо почти въ каждой изъ нихъ было слово *проклять*, по-

ставленное въ разныхъ наклоненіяхъ и временахъ.

Горестная догадка добраго полковаго судьи оправдалась вполнѣ, когда онъ подѣхалъ къ жилищу сотника Чарныша. Въ прежнія свои посѣщенія онъ обыкновенно въѣзжалъ къ сотнику въ задніе ворота, ибо парадный въѣздъ, какъ я уже сказалъ, заваленъ былъ камнемъ. Теперь камень былъ откоченъ въ сторону, ворота и фортка отворены, на молчаливомъ прежде подворья толпилось множество народу.

Судья съ ужасомъ замѣтилъ еще издали обгорѣлый домъ, изъ котораго судьба пошла только готманскую свѣтлицу съ древнимъ сволокомъ воронѣжскаго войта Карпа Чарныша и башенку корпнескаго архіепископа Іоасафата. И эта тонкая башенка, со своимъ высокимъ, легкой формы, желѣзнымъ крестомъ, стояла теперь печально надъ обгорѣвшею руиною сотникова дома, какъ памятникъ надъ могилою.

Но полковаго судью больше всего пора-

зило зрѣлище, которое онъ увидѣлъ, протиснувшись въ толпу, обступившую несчастнаго хозяина. Старый Чарнышъ стоялъ посреди набросанныхъ вокругъ него, въ печальномъ безпорядкѣ, разнородныхъ пожитковъ, между которыми больше всего видно было стариннаго оружія и желѣзной сбруи. Тутъ же разставлены были, около сундуковъ, шкафовъ и высокихъ стульевъ, портреты гетмановъ, которыхъ физиономіямъ окружавшая ихъ суматоха и странное смѣшеніе вещей, никогдабъ безъ этого несчастнаго случая нестрѣтывшихся, придали что-то зловѣщее. На липовыхъ столахъ съ выгнутыми и точеными въ винтъ ножками лежали разныя книги и рукописи, которыхъ пожелтѣвшіе отъ времени листы вѣтеръ переворачивалъ то въ ту, то въ другую сторону, какъ-будто кто-то невидимый читалъ въ нихъ судьбу людей.

Сотникъ Чарнышъ былъ въ припадкѣ нѣкотораго помѣшательства, и безпорядокъ его костюма, его сѣдые развѣваемые вѣтромъ волосы, блестящіе испущеніемъ глаза, неистовыя тѣлодвиженія и страшныя рѣчи,

составленныя изъ проклятій, библейскихъ изреченій, смѣху и плача, производили на зрителей такое дѣйствіе, что они, по временамъ, съ ужасомъ отъ него отступали; но потомъ сильное любопытство заставляло ихъ приближаться снова, ибо рѣдкій изъ нихъ видѣлъ стараго сотника въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, а для многихъ онъ былъ лицомъ совершенно мнеческимъ.

Посреди этого прилива и отлива толпы, одинъ только человекъ оставался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ. Это былъ ключникъ Семень. Сидя на сундукѣ позади своего пана, облокотясь на колѣни и подперши обѣими руками голову, онъ только изрѣдка покачивался съ выраженіемъ неутѣшной тоски и повторялъ, какъ автоматъ, окончанія фразъ сотника Чарныша.

Если читателя не поняли еще психическаго соотношенія между Семеномъ ключникомъ и его паномъ, я считаю не лишнимъ прибавить, что душа Семена ключника была ничто иное, какъ самое вѣрное эхо души сотника Чарныша;

щества живут нераздельно, и притомъ въ удаленіи отъ людей, то слабѣйшее изъ нихъ въ нравственномъ отношеніи—мало помалу принимаетъ вполнѣ типъ сильнѣйшаго характера и относится къ своему образу такъ точно, какъ сургучъ къ вырѣзной печати.

На этомъ основаніи, ключникъ Семень раздѣлялъ не только всѣ радости и печали своего пана, но и всѣ его мнѣнія и предубѣжденія, самыя закоренѣлыя. Казалось, онъ не имѣлъ ни собственной воли, ни собственного разсудка; казалось, онъ былъ—только животная сторона человѣка, а нравственная сторона его, какъ-будто заключена была въ сотникъ Чарнышъ.

Полковой судья подоспѣлъ къ самому патетическому мѣсту этой драмы въ натурѣ. Сотникъ Чарнышъ, послѣ своихъ безумныхъ нареканій на Бога и на людей, вдругъ поднялъ къ небу глаза и руки и произнесъ умиленнымъ голосомъ:

— Кто дастъ мнѣ мой воду и очесаи

моихъ источникъ слезъ? и плачуся день и ночь о погибшихъ дѣцере людей моихъ !!

— И плачуся день и ночь, и плачуся день и ночь! повторяя Семень ключникъ, покачивая головою:— О Господи! помани царя Давида!

— Братъ! Петро! другъ мой любезный! закричалъ полковой судья, выходя изъ толпы и пробраваясь съ распростертыми руками, межъ сундуковъ и ратной сбруи, къ сотнику:— Другъ мой милый! какимъ несчастьемъ посѣтилъ тебя Господь?

— Другъ милый? сказалъ сотникъ Чарнышъ, отступая отъ судьи:— какіе теперь могутъ быть друзья, когда родные дѣти покидаютъ отцовъ своихъ?

— Дѣти покидаютъ отцовъ своихъ! тихо повторилъ Семень ключникъ:— Охъ! помани, Господи, царя Давида!

— По крайней мѣрѣ мы не должны покидать своего Отца небеснаго, сказалъ су-

дья:—Онъ воротить заблудшую овцу на путь истинный.

—Воротить? кто смѣетъ это мнѣ говорить? Кто дастъ моему сыну могущество воротиться домой? сыну, котораго навѣки дѣлать отъ родны отцовское проклятіе, какъ огненный мечъ херувима дѣлалъ отъ рая первыхъ грѣшниковъ?

—Боже мой милосердный! Петро, милый братъ! бойся прогнѣвить Бога и погубить навѣки сына такими словами!

—Чего бояться тому, кто не имѣетъ у себя ничего, кромѣ одинокой души въ тѣлѣ, терзаемой мученіями ада? Такъ! я проклинаю его, отрекаюсь отъ него, предаю его бѣдствіямъ жизни и огню геенны, *улюбиванному діаволамъ и ангеломъ его!* Рука Господня постигнетъ неблагоприятнаго сына!

—О, постигнетъ, постигнетъ! повторилъ, какъ зловищее эхо, отуманенный Семень ключникъ:—*Помани, Господи, царя Давида и всю кротость его и все терпѣніе его!*

—Безумная ты голова, Петро! сказалъ наконецъ съ досадою судья:—тебѣ бы только быть Запорожцемъ, а не отцемъ семейства! Я увѣренъ, что ты только черезъ свою глупость погубилъ несчастнаго Михайла и собственное спокойствіе!... Безумный, безумный, безумный!

Сотникъ Чарнышъ вспыхнулъ, услышавъ эти слова.

—Адъ и бездна! вскричалъ онъ:—Кто, кто смѣетъ такъ пздѣваться надо мною въ собственномъ моемъ домѣ, въ домѣ моихъ дѣдовъ, въ домѣ самаго гетмана Хмельницкаго?... Богданъ! батько козацкій! сказалъ онъ, обращаясь къ портрету Хмельницкаго:—дай мнѣ своей булавы!... Дай! Развѣ не видишь, что мы окружены со всѣхъ сторонъ врагами! Пришла снова *дрижипольская битва* ²²! Стой, Семень ключникъ! стой крѣпко! Дай мнѣ предковскую саблю! Кто можетъ побѣдить насъ, когда съ нами Богданъ Хмельницкій?

И, схватя первую попавшуюся ему саблю,

онъ началъ размахивать ею направо и на-
лѣво съ такою силою, что воздухъ самъ
стѣлъ за желѣзомъ.

— *Не соверши зла за благо!* кричали
судья, отступая назадъ вмѣстѣ съ толпою:—
Погубилъ ты сына, не погуби жъ еще и
вѣрнаго друга!

Сотникъ Чарнышъ вдругъ остановился.

— Что это? сказалъ онъ:— *Не соверши
зла...*? Это мой Животовскій! Братъ
мой, милый мой братъ Омелянъ! Все по-
гибло! все пропало! Нѣтъ у меня сына!

И, выпустивъ изъ рукъ предковскую са-
блю, онъ повалился ницъ на землю.

Ключникъ Семенъ не спѣшилъ къ нему
на помощь. Онъ сѣлъ на кованый сундукъ,
склонился надъ рукоятку упертой въ землю
сабли и говорилъ едва слышнымъ голосомъ:

— Все погибло: нѣтъ у насъ сына! *О
Господи! помилуй царя Давида!*

Полковой судья, видя, что нѣтъ никакого
средства помочь горестному состоянiю души
своего друга, удалился отъ него, отирая
слезы бѣлымъ платкомъ, на которомъ Ка-
терина вышила краснымъ шелкомъ фанта-
стическiе цвѣты и узоры.

— Эти горячiя головы, разсуждалъ онъ
самъ съ собою, нѣсколько успокоясь:— въ
семейной жизни нигде не годятся: они хо-
роши только съ саблею на конѣ или съ
пищалью на запорожской чайкѣ. Я готовъ
утверждать передъ цѣлымъ свѣтомъ, что
Михайло никогда бы не сдѣлалъ этой не-
счастной глупости, еслибы старшiй Чар-
нышъ умѣлъ обойтись съ нимъ поотцовски,
еслибы онъ удержалъ его, какъ держали
когда-то насъ въ рукахъ покойные батьки
наши. И что жъ,—спрашиваю я теперь у
кого угодно,—что за польза моему другу
Чарнышу изъ его быстрого ума и кипу-
чаго сердца? Про меня всегда говорили
недобрые люди, что у меня смѣтливости
мало и рука лучше дѣйствуетъ кубкомъ,
чѣмъ саблею; но сравнимъ повѣрку нашей
жизни. Я таки, слава Богу, полковой судья;

а онъ, черезъ свои капризы, только сотникъ. Моехъ денегъ плохой человѣчина на плечахъ не понесетъ, а онъ всѣ свои предковскіе рубли и талеры истратилъ на разныя выдумки, какія степенному человѣку не придуть и въ голову. У меня дочка—цвѣтокъ на всю Гетманщину, а у него сынъ—выѣхавшій въ походъ съ проклятіемъ! Охъ, Боже мой! пришла, видно, для насъ година скорби!... Но я докажу вамъ, высокоумные люди, горячій или холодный медъ вкусите. Ты меня, пане Пётре, спасъ когда-то отъ проклятаго аркана татарскаго, а я спасу теперь твоего сына отъ самаго тебя. Я помпрю васъ, я не допущу, чтобъ вы одинъ другаго погубили.

Послѣ такого благоразумнаго рѣшенія, онъ тотчасъ же составилъ планъ, какъ исправить зло, котораго за день назадъ никто не могъ бы и вымыслить. Намѣреніе его было—отправиться немедленно по слѣдамъ Михайла, уговорить его воротиться домой и испросить общими силами прощеніе у разгнѣваннаго отца.

Къ этому подвигу побуждали его три причины. Во первыхъ, онъ хотѣлъ возратить своей дочери жениха, во вторыхъ, возратить покоійствіе несчастному своему другу, и въ третьихъ, избавить отъ гибели Михайла, котораго любилъ какъ родное дитя и котораго, по его мнѣнію, отцовское проклятіе должно сдѣлать несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Итакъ, не тратя времени, онъ отослалъ свой громозвучный рыдванъ въ Глухоу, взялъ верховыхъ лошадей для себя и для своего возницы Шпака у сотеннаго воеводскаго отамана и отправился въ путь съ возможной быстротою, какую только позволяла ему его дородность.

ПРИМЪЧАНІЯ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИВЪЧАЛІЯ П ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Шиуровки эти были паружныя,—родъ корсажа, на груди съ разрывомъ, который перенутывался золотыми шиурками, образующими подобіе золотой сѣтки, изъ-подъ которой видна была бѣлая сорочка. Края разрыва украшались галунами или золотымъ шитьемъ. Нарядъ этотъ для глазъ мужчины просто—ненаглядный. Удивительно, почему нынѣшнія дѣвушки, при всемъ стараніи выставить свои прелести въ самомъ обольстительномъ для насъ видѣ, не носятъ такихъ шиуровокъ, а душатъ себя ужасно тѣсными корсажами, забывая, что въ цѣломъ ихъ тѣлѣ нѣтъ ни одной выпуклости столь нелѣпой, какъ грудь, и воображая, что онѣ будутъ страхъ какъ очаровательны, когда тѣло ихъ, послѣ многихъ мученій въ уборной, станетъ наконецъ похожа на талио осы!—Какъ мужчина самъ по себѣ и какъ представитель многихъ мужчинъ, имѣющихъ одинаковый съ нами образъ мыслей, осмысливаюсь доложить

тончайшимъ изъ дѣвъ, что перетиснутыя до варварства ихъ талии, вмѣсто того, чтобъ очаровывать наши взоры, для насъ просто—отаратительны, и прошу ихъ, во имя всего изыскаго, пощадить отъ варварскихъ шууровокъ превосходную скульптуру своего тела, которое Творецъ устроилъ съ такимъ совершенствомъ, что кругленькимъ ихъ головкамъ ничего не осталось въ немъ поправлять.

2. Рѣсь въ одномъ архивѣ, я нашелъ реэстръ вещей, «ограбленныхъ разбойниками изъ дому» протопопа Нѣжинскаго полка, изъ стечка новыхъ Млинѣвъ, Евстафія Федорѣвича, въ 1777 году. Этотъ реэстръ долженъ быть чрезвычайно интересенъ въ глазахъ любителей старины, ибо онъ изъ которыхъ образомъ характеризуетъ тогдашній бытъ мало-россійскихъ вановъ. Прилагаю съ него точную копію.

«Рѣсть ограбленнымъ изъ дому моего разбойниками деньгамъ.

«Какіе жъ именно деньги и пожитки, «колякимъ числомъ, о томъ значить подъ «симъ.

«Учинивъ 1777 года марта 2 дня.

«Сребраной монеты денегъ четыре тысячи «рублей. Золотой монеты тысяча-пять сотъ «рублей. Особо жъ того церковныхъ сребра- «ныхъ денегъ семьдесятъ восьмиъ рублей и «тридцать одна копейка.

«Намисто съ пугвицами смальцевыми. На «ономъ червонцовъ двадцать. На томъ же «намистѣ крестъ самой золотой у десять чер- «вонцовъ.

«Дукать золотой у двадцать червонцовъ, «на которомъ зъ одной стороны изображено «ковчегъ Ноевъ, а на другой стороне литеръ «подписаны.

«Другой крестъ сребропозлащенной зъ свя- «тыми мощами; а какіе мощи, понаписываю.

«Ложекъ сребранныхъ четыре дюжины.

«Чарокъ сребранныхъ зъ ушками дванад- «цать; позлащенныи около и изнутри.

«Колпаковъ сребропозлащенныхъ большихъ «три.

«Ковшъ сребраной старосвятской. большой «единъ.

«Чарокъ сребранныхъ бѣлыхъ дванадцать.

«Зъ поповскаго одѣянія.

«1) Рѣса легкая штофу великой руки, цѣз- «томъ фялковымъ.

«2) Рѣса цѣзту гвоздиковаго люстрина.

- «3) Рясa сукна тонкого кофейного.
 «4) Рясa лисья новая; покрыта канавацомъ «блакитнымъ.
 «5) Рясa блакитной голъ подъ лисями.
 «6) Рясa грезетова, гвоздичного цвѣту; рясями подбита.
 «7) Рясa попелястой грезеты; подбита събирками.
 «8) Каѳтанъ блакитного штофу великой «руки.

«Изъ женского одѣянiя.

- «1) Кунтушъ штофной зеленой разноцвѣтной; кругомъ золотая сѣтка.
 «2) Кунтышъ грезетовой зеленой; сѣткою «пестрою кругомъ окладено; зъ закладками «блакитными парчевыми.
 «3) Кунтышъ жолтой полутабепковой; закладки парчи жолтой.
 «4) Кунтышъ канавацовой коричневой, зъ «золотыми усъ, зъ закладками черными грезетовыми.
 «5) Кунтышъ сукна кофейнаго чернаго; «обложено одноличнымъ пузументомъ золотымъ; зъ закладками бархатными красными.
 «6) Кунтушъ штофной; поле по канавацу «черномъ квѣтъ жолтой; подбито хутромъ «лисыимъ завойковымъ; сѣткою пестрою зо-

- «лото-сребраною кругомъ обложено; зъ усами.
 «7) Кунтушъ люстринной зеленой; подбитъ «събирками; кругомъ золотою сѣткою и усы «обложено.
 «8) Кунтушъ сукна кофейнаго; събирками «подбитъ; кругомъ обложено пузументомъ «золотымъ одноличнымъ; зъ усами золото-«встрыми.
 «9) Полушубокъ полуретинной зеленой; под- «бить черными баранками.
 «10) Ребронъ штофу пакетного великой руки «по бѣлому канавацу, разноцвѣтной.
 «11) Ребронъ штофу пакетного жъ великой «руки попелястой.
 «12) Кофта штофу пакетного жъ большой «руки; по бѣлому канавацу красной квѣтъ.
 «13) Сподиница штофная великой руки па- «кетная, по бѣлому канавацу разноцвѣтная.
 «14) Сподиница зелена венецкой коломайки.
 «15) Сподиница камлотна красна зъ бѣлымъ «квѣтомъ.
 «16) Шнуровка зеленой люстрины зъ золо- «тою сѣткою.

«Зъ запасокъ.

- «1) Суто-парчева жолтая.
 «2) Чернаго канавацу разноцвѣтна; зъ «сѣткою золотою.

«3) Штофу блакитного разноцвѣтнаго; зъ сѣткою золотою.

«4) Полуцабикова красная.

«5) Канавацова пасмяста.

«Зъ балья, разныхъ полотенеъ, сувоевъ, ска-тертей, ручниковъ, салестокъ, рубашекъ мужскихъ и женскихъ двѣ скрини большихъ разграбили, чего щетомъ и знать не можно.

«Часы сребрани, съ показаніемъ числа, съ сребраною печатью и позлащенною цепкою, на которой прицѣплень камень аспысовой. На другой сторонѣ часовъ патреть Государини Анны Иоановны изображенъ.

«Трость золота московской работы, вся плетеная около дротомъ жолтымъ по матеріи зеленой.

«Поясъ церковной великой руки персидскій кватчастый.

«Зъ одѣяннѣ сыновняго молодецкаго.

«1) Кунтушъ сукна сестового перцевого.

«2) Кунтушъ сукна розниковаго сестового.

«3) Черкеска грезетова красная.

«Кафтановъ два новыхъ китайевыхъ.

«Сыновнихъ денегъ сребраной монеты и мѣдной сорокъ-три рубля. Казанковъ мѣдныхъ кашеварныхъ два: одинъ въ 10, а другой въ 5 кварталъ.

«Дочери моеи небольшой.

«Кунтушъ грезетовой блакитной; газомъ сребранымъ обложенъ до самого долу; зъ закладками люстрины гвоздичной.

«Запаска жолта голева.

«Голь коричной напортище 8 аршинъ.

«Китаю черного двѣ штучки.

«Сѣтки золотой, шириною на три цалъ, четыреъ аршина. Пузументу золотого, на три цалъ шириною, 3 аршина.

«Къ сему реестру полку нѣжинского мѣстечка Новыхъ-Млиновъ протопопъ Евстафій Федоровичъ подписался».

3. Хотя Глуховъ принадлежалъ собственно къ *Нѣжинскому* полку, но какъ онъ былъ въ то время столкцею Малороссіи, то полковникъ и полковая старшина жили по большей части въ немъ, и хоть писались на бумагахъ *Нѣжинского* полку, однакожъ въ разговорахъ всегда ихъ называли *глуховскими*.

4. Титулъ *вельможнаго паша* принадлежалъ каждому изъ девяти сыновниковъ, составлявшихъ генеральную старшину. Они были: *Генеральные суды* два, *Генеральный подскар-*

бий, Генеральный писарь, Генеральные эсаулы два, Генеральный хорунжий, Генеральный бунчужный.

5. Въ 1664 году король польскій Янъ Казимиръ прошелъ со своею арміею отъ Остра до Глухова всю Малороссію, которую тогдашній гетманъ лѣваго берега Днѣпра, Бруховецкій умѣлъ только терзать и грабить, а не защищать, и осадилъ по всѣмъ правиламъ военного искусства городъ Глуховъ, въ которомъ заперся судья генеральный Животовскій съ тремя реестровыми полками: Черниговскимъ, Стародубскимъ и Нѣжинскимъ. «Осада города, (говоритъ архіепископъ Конисскій) была жестокая и продолжительная. Брошено въ него до ста-тысячь бомбъ и гранатъ и сдѣлано нѣсколько приступовъ, но все было тщетно. Осажденные частыми вылазками и нападеніями на станъ польскій уничтожали всѣ ихъ предпріятія и причиняли имъ великій вредъ, истребивъ множество ихъ народу. Наконецъ, простоявъ король подъ городомъ девять недѣль и не предвидя успѣха, снялъ осаду и отступилъ отъ города, услышавъ притомъ, что російскія войски начали собираться».

Другая малороссійская лѣтопись, составлен-

ная въ 1710 году, дополняетъ сказаніе Конисскаго такъ: «... глуховскіе козаки, чаша на выпоръ исходячи, много Ляховъ и Памцевъ, неточію подъ градомъ, но и въ самихъ шанцахъ, поражаю, гдѣ король воинства своего премного погубивши, тмъ же путемъ тошъ восвоиси возвратися. . . .
«...
«Тмъ будущому алу запобзгаючи, оставивъ обозъ подъ Глуховомъ, начать воспать уступати; на котораго абіе глуховскіе облеженцы шодвигшеса, стали часть нападати и оставшихся въ обозъ избивати. Таже непоустивши сему со всѣмъ своимъ таборомъ собратися, оставшіися палубы разграбиша и съ немалою имъ корыстью благополучно во градъ возвратишася».

6. *Сказаніа Современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, томъ III, стр. 28.*

7. Лѣтопись архіепископа Конисскаго известна подъ заглавіемъ: *Исторія Руссовъ или Малой Россіи.*

8. Архіепископъ Конисскій подъ словомъ— *Голштинцы* разуметь волохтеровъ, собравшихся для войны за голштинское наслѣдство.

9. Мне неизвестно, откуда произошли слова—*подцабольдискій, подцабольдицы*. Буду очень благодаренъ, если кто-нибудь изъ моихъ читателей объяснитъ мне это письменно.

10. Не смотря на все мои старанія, никакъ не могъ я достать ни фасада, ни даже плана Малороссійской Коллегіи. Самъ я могъ видеть только остатки флигелей, потому что главный корпусъ, къ великому нашему сожалѣнію, разобранъ, говорятъ, лѣтъ 30 назадъ, и изъ его матеріаловъ выстроены теперешій присутственныя мѣста. Описание же, предложенное въ этой книгѣ, сдѣлано мною по рассказамъ одной почтенной духовной особы важнаго сана, которой я приношу при этомъ мою истинную благодарность. Эта особа, между прочимъ, говорила мнѣ, что ей не случалось видеть подобныхъ зданій даже въ обихъ столицахъ, что по своей «огромности, древнему массивному стилю и множеству «статуй и другихъ наружныхъ украшеній, «это былъ настоящій Вавилонъ». Весьма буду обязанъ, если кто-нибудь изъ моихъ земляковъ сообщитъ мнѣ письменно свои замѣчанія о недостаткахъ моего описанія Малороссійской Коллегіи и другихъ древностей.

11. Многіе изъ старинныхъ малороссійскихъ пановъ получали воспитаніе, кромѣ семинарій, также и въ Кіевской Духовной Академіи; и потому тѣ ошибаются, которые думаютъ, что прежняя Малороссія была наполнена круглыми невеждами. То правда, что дамы наши не умѣли приложить своей учености къ своему образу жизни и понимали ее въ какомъ-то странномъ смыслѣ, но между ними и въ самыя отдаленныя времена не трудно было отыскать такихъ, которые были знакомы коротко съ греческими и латинскими классиками. За невѣдѣніемъ на это время подъ рукою древнѣйшихъ документовъ ихъ учености, я приведу здѣсь письмо полковника лубенскаго Петра Люстола (меньшаго сына гетманскаго) писанное въ 1745 году къ подскарбію генеральному, Якову Марковичу.

«Сердечный мой братъ и добродѣю!

«Письмо Ваше сердечнаго моего добродѣя «съ сообщеніемъ при газетахъ вѣдомости о «щастіи Козы», по дачи маестности въ сущд-

• Это должно быть напечатанное прозвище какого нибудь малороссійскаго пана, которому, какъ видно изъ письма, пожелательно было итѣнѣе.

«ство къ намъ прійти ивѣющаго, подаю мнѣ
«очень à ргггггг. Когда я читалъ по-ряду въ
«Былъвомъ Дикціонарїи Исторїю Руфина,
«котораго происхожденіе такъ казалось мно-
«гимъ въ то время странно, какъ намъ мно-
«гихъ намъ современныхъ слѣпое счастье
«есть удивительно, и что тогда Клавдіанъ
«колеблющійся мыслями своими о правдѣ
«судебъ Божїихъ, покаиеть ме увидѣлъ
«конца фаворита онаго, рассуждалъ и изо-
«бразилъ стихами, тое жъ всякаго вѣка вре-
«менищикамъ апплѣковать можно. Стихи же
«тѣ слѣдующаго суть содержанія:

«Saere mihi dubiam traxit sententia mentem,
и пр. (Въ подлинникѣ за этимъ слѣдуютъ
еще двадцать-два стиха).

«Доде Клавдіанъ; я же тому, до кого сіе
«нашлѣкуется, Турецкимъ штилемъ желаю:
«ему же да будетъ конецъ благополучный.

«О пожалованїи товарища нашего П. Ан-
«дрея Горлеика чиноу и деревнями упо-
«ваю, что и вы, мой сердечный Добродѣю,
«сорадуетея въ разсужденїи его бѣдности и
«доброты сердца. Какъ же то оу въ томъ
«радостномъ случаѣ чуврину себѣ спереду
«гладилъ и на пальчиккахъ подымался! Же-
«далъ бы я притомъ купно съ вами быть и
«захатать вѣсть.

«Газеты обратно присемъ съ прилогомъ
«4 тома Спектатора посылаю. Впрочемъ по-
«желавъ вамъ моему сердечному добродѣви
«купно съ его супругою и всеми домашними
«щасливаго начала и окончанія наступаю-
«щаго новаго года, остаюсь съ совершеннымъ
«почтенїемъ

«Вашъ взгнозичливый братъ
«и нижайшїй слуга
«П. Апостолъ.

«1743 Декабря 26.

«Лубны».

Объ этомъ Петръ Апостолъ пишетъ Энгель
въ своей *Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken*
(§ 39), что «хотя онъ никогда не путешество-
валъ, однакожъ очень хорошо говорилъ и пи-
салъ полатыни, попольски, пофранцузски,
понтальянски, понѣмецки и поруски, зналъ
математику, фортификацію и другія полезныя
науки».

12. Такъ иногда запросто (разумѣется за-
очно) называли козаки гетмана Давида Апо-
стола.

13. Въ Малороссїи многимъ нащиткамъ и
кушаньямъ присвоены названія значитель-

ныхъ людей; такъ, напримеръ, извѣстенъ *борщъ гетмана Скоропадскаго, вишневка гамальевская* (отъ фамиліи Гамалье), *медь пальевскій* (по имени полковника Фастовскаго Палъя) и тому подобное.

14. *Чура* значитъ *слуга*. Слово, происшедшее отъ татарскаго—*джиуръ, джуръ* (мешерный). Такъ Татары называли своихъ слугъ—*пльшиковъ*, захваченныхъ ими во время набѣговъ на Малороссію. Запорожцы, въ отмщеніе, дѣлали вторженіе въ ихъ земли и брали въ плѣнъ Татаръ. При разбитіи же *пльшиковъ*, они могли называть ихъ потатарски и усвоили себѣ слово *джуръ* въ смыслѣ *слуги, невольника*. А какъ ихъ языку трудно было выговаривать слово *джуръ*, то они переворотили его на свой ладъ и составили *чура* или *чурд*.

15. Село Субботовъ въ Кіевской губерніи, въ шести верстахъ отъ Чигирина,—мѣсто рожденія Богдана Хмельницкаго.

16. *Берлю* (berlo)—скинетръ.

17. Еще и теперь въ Малороссіи многіе *осадные* люди держатъ у себя эту *виршу*

съ тѣмъ *вѣрованіемъ*, что она защищаетъ домъ того, кто ее имѣетъ, «отъ всякаго неблагополучія».

18. Въ малороссійской свадьбѣ, когда вѣдутъ молодыхъ къ вѣнцу, старшая дружка, называемая *септілкою*, несетъ передъ ними «старосвѣтскій мечъ», украшенный цвѣтами. Этотъ мечъ, наканунѣ вѣнчанья, невѣста кладетъ подъ головную подушку, и изъ сна, который ей въ ту ночь приснится, выводитъ вѣрочество о своей будущности.

19. Авторъ самъ знаетъ въ Малороссіи нѣсколько древнихъ богатыхъ фамилій, которыя, обладая множествомъ наследственной сребреной утвари и, по свосму невѣжеству, не зная ей цѣны, перемѣняютъ въ ложки и тому подобное превосходные зубки венеціанской работы или завитые дѣдовскіе ковши, которыхъ бока украшены безцѣнными для антикварія изображеніями, а берега покрыты самыми характерными надписями. Простой народъ въ этомъ отношеніи заслуживаетъ больше уваженія: для него память дѣдовъ еще священна и слово *старосвѣтскій* чаруетъ его слухъ. Много я знаю *козаковъ*, которые держатъ для памяти предковскіе *наряды*,

серебряныя вещи и оружіе. У одного бѣднаго козака я не могъ купить серебряной чарки за тройную цѣну противъ того, что она вѣситъ. На всѣ мои убѣжденія онъ отвѣчалъ мнѣ одно: что этой чаркой пилъ не то правды его, «а мѣже, ще прѣщуръ, або и прѣпрѣщуръ»; и признаюсь, послѣ этого мнѣ совѣстно было бы искушать его прибавкою цѣны за эту святую для него древность.

20. У нѣкоторыхъ изъ старосвятскихъ малороссійскихъ пановъ посреди двора для конюшни стоялъ столбъ, а въ немъ укрѣплены три кольца: одно желѣзное, другое серебряное, третье серебряное позолоченное. Къ желѣзному привязывали лошадей своихъ простые козаки и люди посполитые, къ серебряному имѣлъ право привязать коня всякой шляхтичъ, а позолоченное кольцо назначалось только для лошади какой-нибудь важной особы. Если жъ бы посполитый человѣкъ или простой козакъ осмѣлился привязать своего коня къ серебряному кольцу, то былъ бы прибитъ панскою дворнею. Въ нѣкихъ дворахъ эти кольца вбивались въ оконницу, въ нѣкихъ въ ворота.

21. Можетъ-быть, къ этому изображенію

подало Хмельницкому поводъ то, что Чигиринскій подстаростій Чаплинскій отиалъ у него «хуторъ съ пасѣкою и млыномъ на урочищѣ Суботовѣ», какъ говоритъ одна старинная хроника. Въ той же хроникѣ въ другомъ мѣстѣ сказано, что «Ляхи патрапили на чловека на одного, у котораго «однѣли пасѣку, которая всей землѣ Польской начинила бѣды».

22. По ходатайству гетмана правой стороны Дзѣпра Петра Дорошенка, мстившаго Многогрѣшному за изменническое похищеніе у него гетманства на лѣвой сторонѣ Дзѣпра, константинопольскій патріархъ Пансій, въ 1669 году, выслалъ на Украину открытую грамоту, отлучающую отъ церкви гетмана Многогрѣшнаго и всѣхъ противниковъ Дорошенка и предающую ихъ проклятію. Эта грамота «надымала много шуму въ Малороссіи», какъ говоритъ архіепископъ Коняскій, и ея-то дѣйствию приписывали этотъ несчастный случай, что Многогрѣшный ударился головой объ косякъ и ушибся до полусмерти.

23. Царскимъ вѣнцомъ называется въ Малороссіи вѣнчикъ, который кладутъ на голову

молодому и молодой при обрядъ звичанья.

24. И въ моей фамиліи сохранилось преданіе, что когда одинъ изъ моихъ предковъ, Максимъ Кулывъ, выступалъ въ походъ, конь подъ нимъ споткнулся въ самихъ воротахъ, и дѣйствительно онъ изъ того походу не воротился.

25. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, вода, окружавшая крѣпость, во многихъ мѣстахъ совсѣмъ засохла, а потому и топографія того мѣста перемѣнилась.

26. Между малороссійскими женскими пѣснями весьма много пѣсень *разлучныхъ*, составленныхъ матерью, сестрою, женою, а всего чаще любовницею, по отъѣздѣ казака въ походъ. И теперь еще Малороссійки, собравшись *глядить дорогу* кому-нибудь родному, уѣхавшему въ дальній путь, *поютъ* и *визжутъ плачутъ*, ибо эти разлучныя напѣвы суть ничто иное, какъ вопль тоскующаго сердца. Таковы напримѣръ пѣсни:

1.

Ой живу я, живу нѣдѣ Божою властною,
Ой плачу я и рыдаю по своену несчастно.

Ой плачу, я плачу, своимъ лѣтамъ нѣравно трачу,
За дробными сладостями свѣтовьяка не бѣчу. . . .

2.

Ой матюкно, да не гай мене,
Въ велику дорбгу выражай мене. . .

3.

Ой чому не пришло, чому не приѣхало,
Лкъ я тобѣ, серденько, пельяло?
Чи коня не мисить, чи дорѣжки не знаешь,
Чи матуся взать не знаешь?

4.

Шли короны изъ дубровы, и омчки зъ молы;
Вышлакала кары очи край козака стоя:
Ой пуды жъ ты одѣжжешь, сизожилый орло?
Ой хто жъ мене да безъ тебе въ серденьку пригорно?

5.

Ой где козакъ да дорѣженькою,
Сладостями умывається:
Де-сь мой вѣнчикъ, де-сь мой стареньки
Да за милою убивається!

И прочая, и прочая, и прочая. Вся эти разлучныя пѣсни сочинены, я полагаю, женщинами, а отнюдь не мужчинами. Они отличаются особенною силою чувства въ своемъ напѣвѣ и словахъ, такъ что уступать только развѣ тѣмъ, въ которыхъ «плачетъ мать, во дни печали, о сынъ, падшемъ на войнѣ» или убивается любовь, знавшая блаженство

только на мигъ и потомъ лишившаяся его навсегда.

27. Запорожье славилось произведеніями этого рода, вело ими обширную торговлю и часто обсылало подарками не только пановъ, жившихъ на Гетманщинѣ, но и петербургскихъ своихъ протекторовъ. Любопытно читать уцѣлвшія отъ истребленія описки ко-добныхъ посылокъ. Напримеръ:

«Ревстръ, * что зъ посланныхъ гостинцей въ Кіевъ надлежитъ отдать и зъ собою въ Кіевъ въ возки взять.

«Господну губернатору Костюрину лисницъ 6, баликовъ 4, осетровъ 2, и письмо.

«Кіевскому секретарю Алексю Фотьеву лисницъ 5 и письмо.

«Кіевскому канцеляристу Козлову лисница 1, осетеръ 1, безъ письма.

«Въ Глуховъ:

«Господну писару Безбородку короповъ 30,

* Посланный отъ Коша Запорожскаго въ 1757 году чрезъ войскового дѣдыша Григорія Шклятова, отравленнаго въ Петербургъ за жалованьемъ.

«щукъ 15, баликовъ 4 да рыбчаго масла «судеице одно и письмо.

«Въ Санктпетербургъ.

«Надлежитъ отдать гостинцы, а именно: «Князю Трубецкому короповъ 10, баликовъ 10, лисницъ 10, и письмо.

«Графу Воронцову короповъ 10, баликовъ 10 и письмо.

«Сенатскому секретарю Пуговишкину лисницъ 5, баликовъ 2 и письмо.

«Регистратору сенатскому Латиницу лисницъ 2, баликовъ 2 и письмо.

«Сенатскому канцеляристу лисница 1 безъ письма.

«Струтинскому (переводчику) короповъ 2, баликовъ 2 и письмо.

«Тренимъ преосвященнымъ, с. петербургскому, реванскому и тверскому, три бочонка соку лимоннаго и три письма.

«Двомъ архимандритамъ, доискому и тролицысергіевскому, два бочонка соку и два письма.

«Третому архимандриту Футинскаго монастыря Юсифу осетеръ 1, баликовъ 2 и письмо.

«Отцу Кириллу, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго канцеляру, въ Липчовскомъ

«дойт, короповъ 2, балкиъ 1 и письмо.

«Варлааму Григорашу, въ Певскомъ монастырѣ, 2 балкиа и письмо.

«Таможь еромонаху Сильвестру балкиовъ 2 и письмо. Таможь Иоанкикію Святковскому «балкиовъ 2 и письмо.

«Въ кадетскомъ корпусѣ іеромонаху отцу «Кириллу іеродіакону Паркизу Снилвскому «балкиъ 1 и письмо.

«Войсковому товаришу Стефану Рудѣ, который ежели есть, посылается ему коропъ 1 и сомъ.

«Совѣтнику Иностранной Государственной «Коллегіи Михаилу Новоторжцеву 1 листица и 1 осетеръ.

«Кременчугскому директору (Тимофьеву) 1 листица и 1 осетеръ.

(Исторія Новой Сѣчи, или послѣднлаго Коша Запорожскаго, соч. А. Скальковскаго. Одесса, 1841, стр. 400).

Кромѣ этихъ подарковъ отъ войска были подарки отъ кошеваго и писаря отдѣльно:

«Отъ г. кошеваго духовникови—2 коропа и 2 щуки да визкиъ 2 пучка.

«Струтинскому да Кириллу, капелану Але-

«ксія Григорьевича, по 2 коропа да по 1 щукѣ и по 2 пучка визкии.

«Вышеописанному Стефану Рудѣ послано «отъ г. кошеваго красніе чоботи.

«Архіереямъ и архимандритамъ всѣмъ и «прочимъ іеромонахамъ, по усмотрѣнію «шешу (посланца, войсковаго дѣвбыша), 10 «пучковъ, каждому по единому, визкии по- «сылается.

«Отъ г. писаря о. Варлааму да Святков- «скому по два коропа при письмахъ.

(Тамъ же, стр. 401.)

Кромѣ означенныхъ подарковъ посылались вельможамъ петербургскимъ отъ кошеваго и товариства—лошади и пазьные арапы.

(Тамъ же, стр. 401—402.)

28. Это не выдумка: дѣйствительно встарину часто двѣ тяжущіяся стороны тѣжали въ судъ въ одной повозкѣ и на общихъ лошадяхъ. Объ этихъ примѣрахъ истинно патриархальной простоты нравовъ и добродушія помнятъ еще и нынѣ въ Малороссіи, гдѣ въ наши времена страсть къ абдамъ и тязбамъ развилась до высшей степени.

29. Отголосокъ стариннаго русскаго за-

кона, сохранившася въ идеѣ народа чрезъ изсколькo вѣковъ.

30. Онъ хочетъ сказать—Голштинцевъ. *Голштинцевъ* по русски значить—подарокъ.

31. *Майдномъ* называется въ Малороссіи еще то мѣсто, гдѣ выдѣлываютъ деготь и смолу. У Сербовъ майданъ значить—площадь и рынокъ.

32. Книга Пророка Іереміи, гл. IX, ст. 1.

33. Эту удивительную, по неравенству силъ, битву происшедшую въ 1655 году, архіепископъ Конопскій описываетъ такъ:

«Хмельницкій, обезсилити армию свою «отдѣльными корпусами (то есть разсылкою отдѣльныхъ корпусовъ въ разные пункты противъ непріятеля), выступилъ изъ-подъ «Заславя и, посѣщая къ Бѣлой Церкви, «атаковать былъ соединенными непріятельскими (польскими и татарскими) силами «въ урочищѣ, такъ послѣ названномъ, Дри-«жицолѣ. Непріятеля, обрадовавшись, что на-«шли Хмельницкаго въ малыхъ силахъ, и «бывши на него злобы до вступленія, на-

«пали на козаковъ со всѣхъ сторонъ безъ вся-«каго распоряженія, а только надеясь на свое «многолюдство. Хмельницкій, ведя себя въ «войнѣ всегда осторожно, снѣшилъ войски «завременно и сдѣлалъ съ нихъ батовую (т. е. «карѣ), а допустя непріятеля въ самую близ-«кую дистанцію, выстрѣлилъ по немъ изъ пу-«шекъ и ружьевъ такъ удачно и жестоко, что «повалился вдругъ изъ толстыхъ непріа-«тельскихъ кучъ цѣлыя тысячи. Непріятель, «образумясь отъ своего поражения, сталъ про-«должать напуски свои отдаленнѣе. А гет-«манъ, между-тѣмъ, повелѣвъ собрать тѣла «побитыхъ непріятелей, сдѣлалъ съ нихъ об-«ширный и довольно возвышенный ретран-«шанментъ и такъ, укрѣпившись собствен-«ными непріятельскими тѣлами, поражалъ «изъ-за нихъ приближающася непріятеля, «какъ изъ крепости, ожидал притомъ помо-«щи отъ боярина Бутурлина и отъ своихъ «корпусовъ, кои о впаденіи непріятеля и «объ осадѣ его (Хмельницкаго) въ малыхъ «силахъ довольно знать могли. Но какъ та-«ковой помощи ни откуда не бывало, а въ «провіантѣ и фуражѣ сдѣлался крайній не-«достатокъ, да и стужа зимняя стала уже «несносною, ибо сіе происходило въ послѣд-«нихъ числахъ декабря мѣсяца; то рѣшился

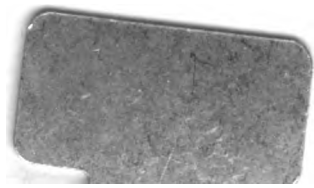
«Хмельницькій пробитися сквозь неприятели
«силою и освободитися отъ его осады. Пред-
«приятіе сіе сдѣлано ночью. Войски козацкія,
«построившись фалангою съ легкою артилле-
«рією, подошли къ неприятелямъ тихими ша-
«гами и, заставъ ихъ, сидѣвшихъ большими
«кучами при огняхъ, отъ которыхъ обыкно-
«венно въ сторонѣ ничего не видно, ударили
«на нихъ во всей опрометчивости (быстротѣ)
«и побѣди ихъ цѣлыя тысячи почти безъ
«обороны. Произведенный при семъ громъ
«шальбы и крикъ народный заставили прот-
«чаго неприятели вооружаться къ оборонѣ.
«Но фаланга козацкая, очистивъ уже себѣ
«пространный путь, довольно удалилась отъ
«него (неприятеля) въ полномъ порядкѣ и
«пошла въ Белоцерковщину благополучно».

Конецъ первой части.

О П Е Ч А Т К И .

Стр.	Стр.	Напечатано:	Должно быть:
134	6	грибы	грибы
149	4	ваш-мосца	ваш-мосца.
182	13	новыхъ Малювъ	Новыхъ Малювъ
188	14	Копескій	Копескій
192	3	Бельсомъ	Бельсомъ
194	11	вторженіе	вторженіа
—	19	Субботовъ	Субботова
203	15	арапы	Татаре
204	7	площадь и рынокъ	мѣсто игуменна

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129

«Хмельницькій пробитися сквозь неприятели
«силою и освободитися отъ его осады. Пред-
«приятіе сіе сдѣлано ночью. Войски козацкія,
«построившись фалангою съ легкою артилле-
«рією, подошли къ неприятелямъ тихими ша-
«гами и, заставъ ихъ, сидящихъ большими
«кучами при огняхъ, отъ которыхъ обыкно-
«венно въ сторонѣ ничего не видно, ударили
«на нихъ во всей опрометчивости (быстротѣ)
«и побили ихъ цѣлыя тысячи почти безъ
«обороны. Произведенный при семъ громъ
«пальбы и крикъ народный заставили про-
«чаго неприятели вооружаться къ оборонѣ.
«По фаланга козацкая, очистивъ уже себѣ
«пространный путь, довольно удалилась отъ
«него (неприятеля) въ полномъ порядкѣ и
«пошла въ Белоцерковщину благополучно».

Конецъ первой части.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Стр.	Печатаного	Должно быть
134	6	грибы	грибы
140	4	вашь-мосци	вашь-мосци.
182	13	новыхъ Млинновъ	Новыхъ Млинновъ
188	14	Кописскій	Кописскій
192	3	Бьлгеломъ	Бьлгеломъ
194	11	вторженіе	вторженіа
—	19	Субботовъ	Субботова
203	15	арапы	Татары
201	7	площадь и рынки	мѣсто пудинка

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129

.K856 M5x 1843

Charnyshenko :
Library

005885990

2044 080 737 885